

ЛУИЗА МЭЙ
ОЛКОТТ

Джек и Джилл

АЗБУКА-КЛАССИКА

Луиза Мэй Олкотт Джек и Джилл Серия «Азбука-классика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69215719

*Джек и Джилл:
ISBN 978-5-389-23189-4*

Аннотация

Луиза Мэй Олкотт – американская писательница, автор знаменитого романа «Маленькие женщины», который принес ей мировую славу и любовь читателей. До сих пор книга остается одним из самых значимых произведений американской литературы. В настоящее издание вошел роман Олкотт «Джек и Джилл», действие которого происходит в небольшом американском городке в середине девятнадцатого века. Джек Мино и Дженни Пэк – лучшие друзья на свете, они живут по соседству и всегда проводят время вместе. За это их прозвали Джек и Джилл, в честь неразлучных персонажей из детских стихов и сказок. В целом городе нет никого веселее их, никого, кто был бы так горазд на выдумки. Но вот однажды, одним зимним солнечным днем, Джек и Джилл рискнули скатиться на санках по самому опасному склону... Как результат – долгие месяцы постельного режима. Преодолеть тяжелые испытания героям

помогут мудрые родители, верные друзья, добрые соседи и, конечно, смекалка, рождающая самые неожиданные изобретения.

Содержание

Глава I	6
Глава II	23
Глава III	34
Глава IV	56
Глава V	74
Глава VI	84
Глава VII	111
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Луиза Мэй Олкотт

Джек и Джилл

© А. Д. Иванов, А. В. Устинова, перевод, 2019

© И. Н. Тарасенко, примечания, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

*Посвящается моим школьным товарищам по
Элсворт-Девенсу, чьи прекрасные характеры не
скоро будут забыты.*

*Эта деревенская история с любовью записана их
другом,
Л. М. О.
1880*

*Джек и Джилл на холм поднялись,
Вниз на санках, смеясь, понеслись.
Голову Джек, вдруг свалившись, разбил.
Кубарем следом скатилась и Джилл ¹.*

---

¹ Стихотворение Матушки из знаменитого поэтического сборника «Песни Матушки Гусыни». Джек и Джилл – неразлучные персонажи англоязычного фольклора, наряду с Шалтаем-Болтаем (Хампти-Дампти), Твидлдагом и Твиддди и прочими, являются также частыми героями детских сказок.

Глава I

Катастрофа

«Прочь с дороги!» – то и дело слышалось в чистом морозном декабрьском воздухе. День выдался ярким и солнечным. Первый этой зимой, когда наконец-то можно было наслаждаться настоящим снегом, чем, невзирая на разный возраст, не преминули воспользоваться обитавшие в Хармони-Виллидж мальчишки и девчонки, в полном составе высыпавшие на улицу. Вверх и вниз, вверх и вниз. По трем длинным склонам холма они взбегали наверх и мчались на санках вниз с такой скоростью, на какую только были способны их ноги и санки.

Первый склон, наиболее пологий и безопасный, с которого санки скатывались на ровный заснеженный луг, облюбовала себе малышня. Второй был посложнее. Съехав с него, ездок вылетал на заледеневший пруд, где ему приходилось лавировать меж любителей коньков, сновавших по льду, словно водомерки по поверхности воды теплым летним вечером. Но наибольшему риску себя подвергали те, кто решал скатиться с третьего склона. Крутой, но короткий спуск здесь резко обрывался у ограды, которая отделяла его от пролежавшей у подножия холма дороги. Заеваешься, не сумеешь вовремя затормозить вихрем летящие с горы санки – и

неминуемо врежешься в этот барьер. Впрочем, пока и здесь обходилось без происшествий.

Несколько девочек и мальчиков уже благополучно скатились вниз. И теперь, прислонившись к ограде, кто сидя, кто стоя, переводили дух после захватывающего полета на санках и забавлялись тем, что отпускали веселые реплики в адрес своих приятелей, все еще увлеченных катанием с горок – самым восхитительным зимним видом спорта.

– Смотрите, Фрэнк Мино! Разогнался что надо! – выкрикнул звонко кто-то из компании, глядя на высокого юношу лет шестнадцати. Тот несся во весь опор вниз по склону, с лицом суровым, как у судьи, плотно сжатыми губами и взглядом, словно прикованным к далекой цели. «Умру, но сделаю», – читалось во всем его напряженном облике.

– А вот Молли Лу и маленький Бу! – проскандировал нараспев еще один из ребят, указывая на следующую пару, мчавшуюся вниз. Спереди на санках сидела девочка с развевающимися на ветру волосами, а позади – ее маленький брат, до того пухленький, что толстенные его ножки торчали по бокам санок, а круглая физиономия выглядывала из-за спины сестры, словно полная луна.

– А вон там Гас Бартон! Ну и несется! – воскликнул третий из ожидавших внизу мальчиков, приветствуя появление юноши столь долговязого, что казалось, будто ноги его оставались на вершине, в то время как голова уже достигла подножия холма.

– Ура Эду Девлину! – хором встретила вся компания при-
бытие еще одного смельчака с красивым смуглым лицом.
Щеки Эда разругались. Он улыбался, весело приветствуя
всех девушек, мимо которых пролетал на санях.

– Лора с Лотти весь день катаются только с самой простой
горки. Молли – единственная из девочек выбрала спуск на
пруд. Ох, это так опасно! Ни за что бы сама не стала. Хо-
лод, конечно, довольно сильный, чтобы можно было отмо-
розить себе нос, но лед на пруду наверняка еще слишком
тонкий, – проговорила робкая девушка, сидевшая на ограде.
Для пущей верности она крепко держалась двумя руками за
столб, что не мешало ей вскрикивать от страха всякий раз,
как мальчики принимались из озорства трясти ограду.

– И совсем не единственная, – возразили ей сразу несколь-
ко голосов. – Вон Джек и Джилл, словно ураган, несутся с
того же склона.

Не преграждайте трека
Нашему смелому Джеку! —

хором пропели мальчики, в головах у которых незамедли-
тельно рождались веселые рифмы для каждого, кто скаты-
вался с вершины холма.

Вниз в ярко-красных санках вихрем мчались мальчик и
девочка. Он – воплощенный свет, улыбка и жизнерадост-
ность. Золотистые волосы его сияли в лучах яркого солнца,

зубы белели, как снег, каждой своей черточкой излучал он восторг, который испытывал от стремительного полета вниз. Сидевшая позади него темноволосая девочка тоже искрилась весельем. Черные глаза ее азартно блестели, смуглые щеки алели румянцем, таким же ярким, как ее красная шапочка. Одной рукой она крепко цеплялась за плечо спутника, а другой – победно, будто флагом, размахивала сорванным со своего приятеля синим шарфом.

– Джилл всегда там, где Джек, и он ей это позволяет. Такой добродушный, никому «нет» сказать не может, – проговорил девичий голос.

– Девочке не может, – язвительно возразил стоявший рядом мальчик, которому Джек не позволил проехаться на своих красных санках, объяснив отказ тем, что они нужны Джилл.

– Просто он самый хороший из мальчиков, самый добрый и никогда не злится, – вступилась за Джека робкая юная леди, сидевшая на ограде, с благодарностью вспоминая про себя, сколько раз по пути в школу Джек избавлял ее от ужасов в виде собак, коров, а также мальчишек, которые кричали ей: «Зайчишка-трусишка!» – и строили противные рожи.

– Не-ет, он не спорит с Джилл, потому что боится. Посмей он хоть слово ей сказать поперек – и она ему голову оторвет в две минуты, – прорычал Джо Флинт, все еще впечатленный отпором, который дала ему Джилл, когда он, вознамерившись покататься по безопасному склону, решил согнать

с него малышню.

– Ничего она с ним не сделает! – прокричали нестройным хором девочки. – Думаешь, если они с мамой бедные, то ты вправе ее презирать? Да она в сто раз лучше тебя! И гораздо умнее. Иначе она не оказывалась бы постоянно первой ученицей в твоём классе.

Их дружная отповедь прозвучала столь страстно, что по ней можно было легко понять: Джилл пользуется всеобщей любовью. Джо в ответ лишь презрительно сморщил нос, насколько ему это позволяло порядком одеревеневшее на морозе лицо.

– Эй, кто идет сегодня варить леденцы? – торопливо переверела разговор на другое Мэри Грант.

Тема была захватывающей.

– Фрэнк пригласил нас всех, вот все и пойдем, – подхватили немедленно остальные. – И, как обычно, отлично проведем время у Мино.

– Джек сказал, у них дома есть целый бочонок патоки. Нам хватит и в гостях поесть, и с собой унести, – в предвкушении предстоящего пира облизнул губы Эд. – Умеют они все устроить.

– Каждому бы такую маму, как миссис Мино, – грустно проговорила Молли Лу, только что подъехавшая к ребятам вместе с братом на санках. Вот уж кто не понаслышке знал, что значит не иметь матери, ведь у них с Бу ее не было, и девочка изо всех сил старалась заменить ее малышу.

– Миссис Мино невероятно милая! – отдала должное матери Джека вся компания.

– Особенно когда к ним можно прийти леденцы готовить, – поспешил влиться в русло общей беседы Джо, стараясь проявить все свое дружелюбие, поскольку опасался, что его могут исключить из числа участников предстоящей сладкой вечеринки.

Слова его были встречены веселым смехом, после чего все гурьбой двинулись вверх по склону, чтобы перед уходом последний раз скатиться с горки, ибо солнце уже почти село и холод настолько усилился, что начал щипать весьма ощутимо не только носы и щеки, но даже пальцы рук и ног.

Сани ринулись вниз. Одни за другими. По разным склонам. Серьезный Фрэнк. Долговязый Гас. Галантный Эд. Порывистая Молли Лу. Хорошенькие Лора и Лотти. Ворчливый Джо. Мэри, заботливо усадившая позади себя малыша Сью. Джек и Джилл – тоже, как всегда, вместе... Такие разные, ребята сейчас целиком находились во власти одного чувства, и сердца их переполняла радость от захватывающего дух стремительного скольжения вниз по искристому снегу.

Их состояние заражало даже прохожих на дороге. Те останавливались, поднимали головы, и вид развратившихся детей, которые, оглашая округу звонкими восклицаниями и веселым смехом, летели на санках вниз, побуждал их с улыбкой вспомнить времена собственной молодости, когда таки-

ми же погожими зимними днями они столь же самозабвенно предавались этому потрясающему занятию.

Веселье нашей компании находилось на самом пике, когда Джилл сказала:

– Давай скатимся по крутому склону, Джек. Раз Джо говорит, что мне не хватит духу съехать с него, значит я должна это сделать.

Оба стояли, переводя дух, на самой вершине холма, куда только что взобрались бегом. Двое, объединенные даром радоваться каждому светлому мгновению жизни. Искрящийся комок слитых воедино энергии и азарта. Девушку, вообще-то, звали не Джилл, а Дженни Пэк. Прозвище она получила благодаря неразлучной дружбе с Джеком. Так они и стали Джеком и Джилл, как те Джек и Джилл из известного детского стихотворения, которые всегда были вместе.

Джек обычно с большим воодушевлением подхватывал любую идею своей подруги, однако сейчас его одолевали сомнения.

– По-моему, не стоит, Джилл. На этом склоне полно ухабов. На каком-нибудь мы обязательно опрокинемся. То еще удовольствие. Лучше садись, и пронесемся с ветерком через пруд.

Последнюю фразу он произнес приглашающим тоном, да еще развернув при этом изящным движением красные санки в сторону пруда, – никто не смог бы устоять перед его предложением. Никто, кроме упрямой Джилл.

– Замечательный план, – сказала она в ответ. – Но я ни одному мальчишке на свете не позволю считать, будто мне на что-то не хватит духу. А если ты боишься, я съеду сама.

Джек даже слова произнести не успел, как она выдернула из его рук веревку, развернула санки носом к опасному склону и, запрыгнув на них, понеслась вниз. Полет ее, впрочем, длился недолго. Села она на санки впопыхах, как попало. Баланс был нарушен. И красный ее скакун опрокинулся на первой же кочке, вывалив свою всадницу в снег, где она и продолжала лежать, громко хохоча, пока подбежавший Джек не помог ей подняться.

– Ладно. Если ты так уж этого хочешь, я прокачу тебя, – сдался он. – И ничего я не боюсь. Мы с ребятами уже много раз съезжали с этого склона. Просто потом мы больше не стали. Нехороший он: крутой и очень короткий, – объяснил Джек вполне добродушно, хотя мальчика и задело брошенное в его адрес обвинение в трусости. Ведь на самом-то деле Джек был очень смелым, и смелость в нем счастливо сочеталась с осмотрительностью.

– Да, хочу. И не один раз, а несколько. Иначе Джо будет меня дразнить и отравит мне вечером все веселье, – отозвалась Джилл, энергично отряхивая юбку от снега и потирая холодные мокрые пальцы.

– Вот. Надевай, – протянул ей варежки Джек. – Я очень редко ими пользуюсь. Так что, если они тебе годятся, возьми их себе. Ношу их с собой исключительно ради маминого

спокойствия.

– Ох, какие же теплые! – с благодарным видом натянула Джилл красные варежки на озябшие руки. – А главное, мне в самую впору. Твои-то ручищи в них, наверное, уже не влезают. Пожалуй, я свяжу тебе к Рождеству новые, и уж их-то заставлю тебя носить, – топнула она по снегу сапожком, словно бы подтверждая этим весомость своей угрозы.

Джек засмеялся, и они опять поднялись на вершину холма, откуда вниз расходились три склона.

– Ну и какой же ты все-таки выберешь? – спросил Джек, посмотрев на Джилл тем пронзительно-предостерегающим взглядом голубых глаз, который частенько останавливал ее, не давая совершать сумасбродные поступки.

– Разумеется, этот. – И рука в красной варежке решительно указала на самый опасный спуск.

– Ты действительно этого хочешь?

– Хочу. И сделаю, – упрямо проговорила она.

– Ну, тогда держись крепче.

Обычно улыбчивое лицо Джека посерьезнело. Он терпеливо выждал, пока Джилл как следует не устроилась на санках, затем сам сел впереди, и они ринулись в короткое, но головокружительное путешествие, прямо в снежный сугроб у изгороди, который пересекал склон на подступах к дороге.

– Ну и ничего такого уж опасного, – сказала довольная Джилл, когда они благополучно остановились внизу. – Давай-ка поднимемся и еще раз съедем. Видишь, Джо наблю-

дает за нами. — Она с вызовом глянула на стоящего вдалеке мальчика, который и впрямь внимательно смотрел в их сторону. — Пусть убедится, что мы ничего не боимся.

— Если и правда готова, тогда давай. Но учти — риск нешуточный, — счел своим долгом предупредить ее Джек.

— Еще как готова! — Джилл снова кинула исполненный возмущения взгляд на замершего вдали Джо. — И с какой это стати мальчишки считают, что девочкам нравятся только ровненькие, уютненькие, безопасные, скучные склоны? Будто мы неспособны быть такими же сильными и смелыми, как вы. Давай скатимся три раза, и на этом все. Тот заезд, когда я упала, не считается, значит осталось еще два.

Джилл усаживалась на санки, пока говорила это. Разрумянившаяся сильнее прежнего, с выбившейся из-под шапочки прядью черных волос, она посмотрела на друга с такой мольбой, что тот сразу же сдался.

Вторая попытка вышла у них куда эффектнее первой. Вздывая клубы серебристого снега, они изящно остановились у самой ограды, оперевшись в нее ногами.

— Потрясающе! — в полном восторге воскликнула Джилл. — Ну же, Джек! Еще раз! — потянула она наверх санки, со счастливым видом внимая одобрительным возгласам нескольких человек на дороге, которые наблюдали за ними и по достоинству оценили их впечатляющий финиш.

Окрыленный удачей, Джек зашагал обратно к вершине холма, приняв решение, что их последний заезд должен

стать коронным завершением сегодняшнего катания.

Джилл старалась не отставать от него. Подъем давался ей, как никогда, легко. словно ее сапоги превратились вдруг в семимильные. И при этом она еще умудрялась на ходу обсуждать предстоящую леденцовую вечеринку, гадая, найдутся ли для нее в доме орехи или нет.

Поглощенные разговором о предстоящем веселье, они продолжали с увлечением обсуждать леденцовую тему, даже когда, как попало плюхнувшись на санки, вновь устремились вниз по опасному склону. Джилл начисто позабыла о том, что ей следует крепко держаться за Джека, а Джек – что ему нужно крайне внимательно управлять санями, и в результате замечательной вечеринке так и не суждено было состояться. К огорчению всей компании, которая ее очень ждала. И к еще большему сожалению Джека и Джилл, которым и вовсе пришлось оставить мысли о каких-либо развлечениях этой зимой. А также к прискорбию замечательных красных санок под названием «Удар грома», ибо они неслись сейчас навстречу собственной гибели.

Как это вышло, ни один очевидец потом объяснить не мог, но, вместо того чтобы снова с изяществом остановить санки перед самой оградой или хотя бы направить их в мягкий большой сугроб, Джек и Джилл на огромной скорости с треском и лязгом влетели в барьер, проломили его и кубарем устремились с обрыва дальше. Два пронзительных вскрика, а затем напряженная вязкая тишина. На полотне дороги за-

стыли два неподвижных тела. Мальчик и девочка среди пурпурно-красных обломков санок.

– Так и знал! Так и знал! Разбились! – проорал Джо, взлетев на вершину столба, прислонясь к которому все это время вел наблюдение за катанием Джека и Джилл. – Скорее туда! Бежим!

И он первым бросился вниз, к дороге, а за ним устремились все остальные, толком не представляя себе еще, смеяться им предстоит или плакать. Падения на этих склонах в зимний сезон случались нередко, но пострадавшие большей частью отделывались легким испугом да пустяковыми ссадинами.

Джек сидел на дороге, ошалело водя глазами по сторонам. На лбу у него кровоточила ужасная рана, при виде которой девочки сильно перепугались, а у мальчиков побледнели лица.

– Он умирает! Умирает! – скорбно провыла Сью и, закрыв ладонями лицо, залилась слезами.

– Глупости, – возразил ей мужественный Джек, хотя голова у него так кружилась, что все вокруг застилала мутная пелена. – Сейчас приду в себя и буду в полном порядке. Как Джилл? Где она?

Толпа расступилась, открыв его взгляду лежавшую на снегу соратницу по несчастью. Катастрофа стерла с лица Джилл румянец, который обычно играл на ее щеках. Похоже, падение на дорогу оглушило девочку, и она часто-часто моргала,

словно бы в совершеннейшем изумлении от произошедшего. Внешних повреждений, впрочем, у нее видно не было, и на вопрос, жива ли она, последовал хоть и не слишком уверенный, но все же скорее внушающий оптимизм ответ:

– Вроде бы да. А что Джек? Он ранен?

– Проломил себе голову, – хриплым голосом брякнул Джо, отступая в сторону, чтобы она сама увидела, как старательно, хоть ему это и не очень удавалось, пытался бодриться ее раненый друг, у которого по щеке тонкой струйкой текла кровь, а на лбу набухла шишка.

– Оставьте меня, займитесь лучше им, – велела девочкам Джилл и устало закрыла глаза.

– Нет-нет, я в полном порядке, – запротестовал раненый мальчик.

Стремясь доказать, что падение с кручи не принесло ему никакого вреда, он попытался было подняться, но тут же с криком схватился за левую ногу и, не подхвати его вовремя Гас, наверняка рухнул бы на дорогу как подкошенный.

– Что с тобой, приятель? – склонился над ним теперь уже всерьез обеспокоенный Фрэнк. Зная, как терпеливо Джек переносит полученные травмы, столь обычные среди бейсболистов, он тут же понял, что его брат и впрямь сейчас не на шутку ранен.

– Да понимаешь, упал-то я на голову, но, кажется, умудрился сломать ногу. Давай-ка подумаем, как нам с тобой не слишком испугать маму, – доверительно произнес Джек,

вглядываясь во встревоженное лицо Фрэнка. Тот согласно кивнул. Потому что, хоть Фрэнк, пользуясь положением старшего, и тиранил, бывало, Джека, оба брата души друг в друге не чаяли.

– Подними ему голову, Фрэнк, – подошел к ним Эд Девлин. – Надо остановить кровь. – И, приложив к ране Джека горсть чистого пушистого снега, он ловко перевязал ему голову носовым платком.

Лицо раненого просветлело от благодарности. Впрочем, Эд всегда был готов первым прийти на помощь. При этом, самый взрослый из всей компании, он никогда не подчеркивал своего превосходства.

– Его надо бы поскорее доставить домой, – посоветовал Гас, стоявший немного поодаль вместе со своими младшими сестренками Лотти и Лорой, которые в ужасе крепко прижались к нему.

– И Джилл тоже. Мне кажется, что у нее перелом позвоночника. Она вообще теперь не в состоянии двигаться! – столь неуместно-торжественным тоном провозгласила Молли Лу, будто испытывала радость оттого, что ее подопечная пострадала сильнее, чем Джек, пусть даже его рана и выглядела очень эффектно. Молли Лу обожала трагедии.

Жизнерадостное ее заявление вызвало новый поток рыданий у Сю и басовито-надсадный вой малыша Бу, который, собственно, и снискал себе это прозвище за способность в любой момент разразиться таким вот жутким ревом и столь

же внезапно прервать его, не пролив ни единой слезинки.

– Это я во всем виноват, – расстроено произнес Джек. – Не стоило мне позволять ей здесь кататься.

– Но ведь ты меня отговаривал, а я настояла на своем. И если я переломала все кости, так мне и надо. Не помогайте мне, пожалуйста. Позаботьтесь о Джеке. А меня оставьте здесь. Только этого я и заслуживаю – замерзнуть на улице и умереть с голоду. Я нехорошая, злая – поделом мне! – горестно выкрикнула несчастная Джилл, сгоравшая от беспроектного чувства вины.

– Не надо. Не надо говорить о том, кто прав, а кто виноват, – склонилась к ней Мэри. Она обожала смелую Джилл, всегда восхищалась ее решительностью и даже в мыслях не допускала, что та хоть в чем-то могла быть не права. – И конечно же, мы поможем тебе, – нежно поцеловав подругу в щеку, добавила она шепотом.

– О-о! Как раз вовремя! – первым заметил Гас на дороге сани, запряженные двумя быками. – Побегу остановлю повозку.

И, высвободившись из объятий сестер, он со всех ног кинулся вперед, ибо длинное его тело было наделено не только добрейшим сердцем, но и разумнейшей головой.

Заметив, кто правит санями, вся компания облегченно вздохнула. Мистер Грант, высокий и добродушный фермер, при виде несчастья, постигшего ребят, сам будучи отцом, тут же поинтересовался, как дела у Джека и Джилл.

– Ай-ай-ай! – покачал он заботливо головой. – Вот авария так авария. Место-то здесь опасное. Меня тоже однажды дернуло тут прокатиться, вот и сломал себе нос, – поднес он, смеясь, указательный палец к этой весьма массивной части своего круглого и румяного лица, которая была заметно искривлена из-за неправильно сросшегося перелома. – Ну да что это я разболтался? Нам поспешать с вами надо. Час поздний уже. Нужно поскорей бедолаг по домам развезти.

– Первой, пожалуйста, Джилл, – попросил его Эд. Истинный рыцарь, он успел уже снять пальто и расстелить его на дне саней с теми же изяществом и тщательностью, с которыми знаменитый сэр Рейли² некогда бросил свой бархатный плащ под ноги королевы Елизаветы³, чтобы та не испачкала туфли в грязи.

– Будет сделано, – кивнул мистер Грант. – Постараюсь перенести тебя, милая, так, – обратился он к Джилл, – чтобы тебе не былошибко больно.

Но сколь осторожно ни действовал этот заботливый человек, Джилл не удержалась от стона, стоило ему только взять

---

² *Сэр Уолтер Рейли* (1552 или 1554–1618) – английский придворный, государственный деятель, поэт и писатель, историк, моряк, солдат и путешественник, фаворит королевы Елизаветы I. Прославился каперскими нападениями на испанский флот, за что в 1585 г. получил рыцарство.

³ *Елизавета I* (1533–1603) – королева Англии и Ирландии с 1558 г., последняя из династии Тюдоров. Единственная дочь короля Англии Генриха VIII Тюдора от брака с Анной Болейн. Время правления Елизаветы I иногда называют золотым веком Англии в связи с расцветом культуры и возросшим значением Англии на мировой арене.

ее на руки. Впрочем, она, закусив губу, немедленно смолкла, и дальнейший путь до саней перенесла со стойкостью маленького индейца. Иного она себе решительно не могла позволить, ведь на нее сейчас смотрели все мальчишки. Вот пусть и убедятся, что она переносит боль не хуже любого из них. Правда, на глазах у нее выступили предательские слезы. Но тут ей помогло пальто Эда. Она зарыла в него лицо, и никто их не заметил, хотя к тому времени, как в сани рядом с ней уложили Джека, пальто успело изрядно пропитаться соленой влагой.

В скором времени унылая процессия тронулась в путь. Мистер Грант правил быками. Девочки шли по бокам от саней. А мальчишки замыкали шествие, оставив на холме одного лишь Джо. С унылым видом стоя возле пролома в ограде, он размышлял о том, как ему следует поступить с обломками еще недавно прекрасных саней, носивших гордое название «Удар грома».

Глава II

Два чувства вины

Впоследствии Джек и Джилл старались гнать от себя воспоминания о первой после несчастного случая ночи. Никогда прежде не приходилось им так тяжело. Все ранее пережитые ими горести и невзгоды были сущей безделицей по сравнению с тем валом физических и душевных мук, который настиг их тогда.

От мучений физических главным образом страдал Джек. Нога у него действительно оказалась сломана, и, пока доктор вправлял ему кость, он, как ни крепился, не смог сдержать криков, от которых уже почти взрослый Фрэнк, помогавший при операции, впал в состояние, близкое к обмороку. Рассеченная голова Джека тоже ужасно болела. Во время падения он получил сильные ушибы, так что теперь ощущал себя, от макушки до пальцев ног, сплошным саднящим синяком.

– Не переживай, скоро поправишься, – с большим оптимизмом объявил ему доктор Уиттинг.

– Значит, где-то через недельку мне можно будет встать? – Джек так обрадовался, что даже боль стал чувствовать меньше.

Но тут же выяснилось, что в понятие «скоро» ребята его возраста вкладывают совсем иной смысл, чем взрослые док-

тора.

– Через недельку?! Ну нет. Через двадцать один день, – откликнулся мистер Уиттинг. – И это еще «скоро». У взрослых кости срастаются полтора месяца. Будем по мере сил способствовать вашему выздоровлению, молодой человек, однако, прежде чем вздумаете в следующий раз откуда-нибудь падать, очень рекомендую сперва задуматься, не пострадают ли ваши кости, – добавил он, накладывая на поврежденные части тела Джека многочисленные повязки, отчего тому казалось, будто он превращается в несчастного цыпленка, подготовленного к запеканию в духовке. – Ну а теперь доброй ночи. Утром тебе станет лучше. Только запомни: джигу⁴ не танцевать, – улыбнулся доктор и направился в соседний котедж, где дожидалась осмотра Джилл.

На первый взгляд она пострадала гораздо меньше своего товарища по злосчастному спуску. И в ее присутствии доктор не выразил особого беспокойства.

– Надо пока полежать, а там видно будет, – бодрым тоном произнес он, выходя из комнаты девочки.

Однако, оставшись наедине с миссис Пэк, врач не стал таить от женщины свои опасения, так что та возвратилась к дочери с глазами, полными слез.

– Ой, мама, тебе совершенно не надо меня жалеть! – Джилл была невдомек истинная причина ее расстройства. – Это я во всем виновата! Он не хотел, а я заставила его съе-

---

⁴ *Джигга* – быстрый старинный британский танец кельтского происхождения.

хоть. Он разбился из-за меня. И теперь может умереть... Вам всем не любить меня надо, а ненавидеть. Только этого я и заслуживаю, — в отчаянии всхлипывала она, пока мать заботливо поправляла подушку под ее головой и растирала онемевшие руки и ноги дочери.

Острая боль, время от времени как иголками пронзавшая ее тело, начинала казаться Джилл сущим пустяком, стоило только девочке подумать о страданиях Джека, о которых им с миссис Пэк стало известно от одного из их соседей. Тот забежал к ним всего на минутку. Но на подробности не поспешил. И подробности эти были пугающими; воспаленное воображение Джилл дополнило их еще кое-какими деталями, отчего ее отчаяние и душевные муки достигли своего апогея.

Джеку вправляют ногу. Он корчится и кричит от невыносимой боли. Фрэнк стоит рядом. Лицо у него становится белым как простыня, ноги подкашиваются. Гас выводит Фрэнка во двор и сует его голову под струю воды из колонки, чтобы привести в чувство... Сцены эти, сменяя одна другую, настойчиво возникали пред мысленным взором Джилл. С каждой минутой состояние Джека представлялось ей все более серьезным и угрожающим его жизни.

— Полно, моя девочка, — старалась успокоить ее мама, сама едва сдерживаясь, чтобы не разрыдаться. — Выпей лучше травяной настойки, которую прислала для тебя миссис Мино. Она превосходно согреет тебя, а то ты холодная как ле-

дышка. Ну же, давай, – протянула она ей кружку с темно-коричневой жидкостью. – И постарайся уснуть.

– Мама Джека?! Настойку?! Для меня?! – воскликнула с горестным изумлением Джилл. – Но ведь я чуть не убила его! Нет, не могу я заснуть. И настойку пить не стану. Пусть лучше мне будет больно и холодно. Я хочу мучиться. Только так я смогу искупить вину. Если мне суждено все же снова выздороветь, я стану самой хорошей и доброй на свете. Вот увидишь! – И Джилл подтвердила свои слова столь решительным кивком, что слезы прыснули из ее глаз на подушку, словно капли дождя.

– В таком случае тебе лучше начать немедленно. Из кровати-то ты, боюсь, теперь встанешь не скоро, – вздохнула мама.

– Я сильно разбилась, мама?

– Боюсь, что так, милая.

– Тогда я рада. Очень надеюсь, что доктор не ошибается. Мне обязательно должно быть хуже, чем Джеку. Я буду стойко переносить свое состояние. А хорошей начну становиться прямо сейчас. Спой мне, пожалуйста, мамочка, и я постараюсь заснуть, чтобы ты хоть чуть-чуть была мной довольна.

Она с небывалой для себя кротостью устроила поудобнее голову на подушке, закрыла глаза и, прежде чем мама успела допеть до конца мелодичную старинную балладу, погрузилась в глубокий сон, крепко сжимая в руке ярко-красную варежку, подаренную ей Джеком.

Миссис Пэк еще долго сидела возле постели дочери, гадая, сможет ли та окончательно поправиться и сбудутся ли теперь надежды, которые она связывала с единственной дочерью. Миссис Пэк была англичанкой, а муж ее, отец Джилл, — канадцем французского происхождения. В Канаде они все трое и жили, пока он не умер, после чего миссис Пэк, знававшей лучшие времена, пришлось перебраться в Америку, где их с Джилл обителью стал крохотный коттедж, построенный в непосредственной близости от большого и роскошного дома миссис Мино, возвышавшимся тут же, за рядом часто посаженных туй.

Выпавшую на ее долю нужду миссис Пэк переносила стоически, разве что сделалась куда более грустной и молчаливой, чем в годы семейного счастья и благополучия. В жизни у нее теперь была одна цель: вырастить Дженни и дать ей образование, благодаря которому ее дорогая дочь сможет занять достойное положение в обществе. Ради этого миссис Пэк, не жалея сил, бралась за любую подвернувшуюся работу: шила, выхаживала больных, работала на фабрике.

И вот из-за злосчастной аварии все ее планы на будущее дочери, похоже, пошли прахом. Глаза миссис Пэк опять заблестели от слез. Неужели отныне ей больше не придется испытывать гордость за дочку и радоваться тому, что из года в год ее Дженни, как и прежде, будет получать наивысшие в классе баллы по всем предметам? Слезы горечи и обиды уже лились по щекам бедной женщины, когда взгляд ее упал на

окно, сквозь которое в комнату проникал яркий луч света, льющийся из соседнего дома. «Или, благодаря Небесам, все еще обойдется?» – затеплилась надежда в душе миссис Пэк. Там, в большом доме Мино, жили друзья, и она знала, что они не оставят их с Дженни без помощи и поддержки.

– Да, да, Дженни, все будет хорошо, – прошептала она едва слышно над спящей глубоким сном девочкой.

А тем временем в доме их соседей разворачивалась своя драма, и другая мать, взволнованная ничуть не менее, чем миссис Пэк, сидела у постели своего младшего отпрыска. Впрочем, она относилась к тем редким натурам, которые наделены даром встречать несчастья не только с огромной стойкостью, но и вполне философски, тем самым на личном примере доказывая окружающим непреложность истины, что, во-первых, нет худа без добра, а во-вторых, что невзгоды и неприятности могут подстергать на пути даже самых благополучных из нас, а потому следует быть к ним готовыми.

Час за часом Джек проводил в кровати без сна. Щеки его горели, голова раскалывалась от пульсирующей боли, сло-манная нога тоже приносила сильные и весьма неприятные ощущения. Ему дали принять обезболивающее средство, но оно пока еще не подействовало. Ожидая, когда боль хоть немного утихнет, он отвлекал себя попытками угадать, кто в данный момент к ним пришел, а кто, попрощавшись, уходит. Поток посетителей не прекращался на протяжении все-

го вечера. Некоторые из них деликатно звонили в парадную дверь, другие с тихой таинственностью стучались в заднюю. Весть о несчастном случае уже облетела весь городок, обрстая от дома к дому все новыми, сколь пугающими, столь и животрепещущими, подробностями. К восьми вечера большинство местных жителей уже с уверенностью утверждали, будто бы Джек сломал себе обе ноги, раскроил череп и лежит сейчас при смерти, в то время как дела Джилл обстояли и того хуже. Надо ли удивляться, что возле обоих домов столпились многочисленные приятели и соседи пострадавших, жаждавшие предложить свою помощь и поддержку их родственникам.

Звонки в парадную дверь повторялись с такой частотой, что в результате Фрэнк не выдержал и подвязал колокольчик, а на светящееся окно прикрепил записку, которая призывала всех визитеров заходить в дом через черный ход.

Когда непрерывный трезвон уgomонился, до спальни Джека на втором этаже стали отчетливо доноситься звуки рояля. Это Эд тихонько играл в гостиной, надеясь, что музыка успокоит раненого и хоть чуть-чуть отвлечет его от боли. Так и случилось на самом деле, но еще больше, чем музыка, Джека вдохновлял тот факт, что этот блестящий молодой человек, можно сказать король среди сверстников, дарит ему, несмотря на большую разницу в возрасте, искреннюю дружбу. Не снисходительную, а дружбу на равных. Вот и сегодня Эд уже много часов провел вместе с Гасом в их

доме, оказывая посильную помощь и ему, Джеку, и его маме, и Фрэнку...

– Ну, тебе стало полегче? – склонилась миссис Мино над сыном, когда тот, прислушиваясь к мелодичным пассажам, откинулся на подушку и закрыл глаза.

– Да не сказал бы, – честно признался он. – Но под музыку я словно забываю о боли. Старина Эд играет мои самые любимые мелодии. Это так приятно. Как же он переживает за меня, мама!

– За тебя все переживают, – заверила сына миссис Мино. – Фрэнк не в состоянии говорить о том, что с тобой случилось, до того расстроен. Гас даже отказался сходить домой попить чаю. Считает, что должен находиться здесь, если вдруг зачем-то нам понадобится. А Джо принес обломки твоих бедных санок. «Не хочу, – говорит, – чтобы кто-то чужой их присвоил. Да и Джеку, вероятно, захочется их оставить на память».

Джек коротко хохотнул и тут же ойкнул от боли, но все же весело произнес:

– Джо хотел сам на них прокатиться, а я не позволил: боялся, что он их сломает. Думаю, у него это вряд ли бы получилось лучше, чем у меня. Обломки «Удара грома» – не слишком приятный для меня сувенир. Хотя я уверен, что наше падение выглядело впечатляюще. Грандиозная катастрофа. Жаль, ты не видела этого, мама.

– Вот уж уволь! – воскликнула та. – Страшно представить

себе, как ты кубарем катишься с этого кошмарного склона. Умоляю, никогда больше не повторяй подобных экспериментов.

– Не волнуйся, – улыбнулся Джек. – В ближайшее время мне не придется кататься. С какого бы то ни было склона, даже самого безопасного. Но если серьезно, то я и сам теперь понимаю: спускаться на санках вниз с этой жуткой ухабистой кручи было настоящим идиотизмом с моей стороны. Но знаешь, ведь иногда риск так и манит, – добавил он хмуро, ни словом, однако, не упомянув о том, что сумасбродная идея принадлежала не ему, а Джилл.

Мать улыбнулась, гордясь в душе благородством сына. Джилл-то ей честно во всем призналась, пока ее несли из саней к коттеджу.

– Безумие рисковать собой понапрасну, Джек, – покачала головой миссис Мино. – Надеюсь, ты убедился в этом. Тебе следует научиться тверже отстаивать свою точку зрения. Это поможет Джилл обуздать собственное упрямство, а нам – избежать множества испытаний в будущем.

– Я учту это, мам. Терпеть не могу пререкаться и что-то доказывать, но, видимо, иногда надо так делать. Сказал бы ей твердо «нет» – и мы избежали бы кучи проблем. Вообще-то, я пытался, но она настаивала. Бедная Джилл! Мама, ей очень плохо?

– Ну, особенных болей у нее нет, и мы все надеемся, что она не слишком сильно пострадала. Впрочем, завтра я уточ-

ню, как у нее дела, – постаралась как можно бодрее ответить миссис Мино.

– Жалко, что Джилл приходится поправляться не в такой же прекрасной комнате, как эта. В их-то коттедже не слишком уютно. – Джек окинул взглядом просторное, прекрасно обставленное и теплое помещение, где даже сейчас, насколько это было возможно в его состоянии, он чувствовал себя хорошо и комфортно. Теплые тона мебели. Яркие ситцевые занавески на окнах. Пол устлан мягким, матово-розового оттенка ковром. Кресла и стулья удобны и мягки. В камине с веселым треском и гулом пляшут оранжевые языки жаркого пламени.

– Не беспокойся. Я прослежу, чтобы Дженни ни в чем не нуждалась, – ответила миссис Мино. – А ты постарайся поскорее заснуть. Это сейчас важнее всего. – И она приложила прохладные ладони к его разгоряченным щекам.

Он послушно закрыл глаза и стал слушать, как Фрэнк с Эдом, будто уловив настроение своего друга, запели внизу «Милую радость мою»⁵, стараясь, сколько можно, умерить свои грубоватые голоса, так чтобы гимн более походил на колыбельную. Джек затих, и его матери показалось было, будто ее сын заснул, и тут по покрасневшимся щекам мальчика скатились две слезинки.

– Что с тобой, мой мальчик? – встрепелась миссис Ми-

---

⁵ «Милая радость моя» («Sweet By and By») – широко известный церковный гимн. Слова С. Филмор Беннетта, музыка Дж. Ф. Уэбстера.

но, ощутив, что ладони ее оросила влага.

Джек распахнул голубые глаза, улыбнулся и со смущением произнес:

– Да вот видишь, какой я слабак. Все так добры ко мне – вот я и раскис хуже лапши в бульоне.

– Нет, это не слабость, – пылко принялась возражать ему миссис Мино. – Ты просто впервые осознал, насколько тебя все любят. В этом и кроется положительная сторона несчастий: только когда они к нам приходят, мы начинаем отчетливо понимать, на какое участие и доброту оказываются способны наши истинные друзья и как просто при случае нам самим протянуть им руку помощи. Всегда помни об этом, пожалуйста, мой дорогой.

– Ну, забыть мне вряд ли удастся теперь, когда я узнал, как это прекрасно, – прошептал Джек. – Да и ты в случае чего напомним. Поцелуй меня на прощание, мам, и, как говорит в таких случаях Джилл миссис Пэк, я стану совсем хорошим и быстро засну. Спокойной ночи.

Золотистая его голова уютно устроилась на материнской ладони, он закрыл глаза и затих. Фрэнк с Эдом по-прежнему продолжали петь внизу. Джек с удовольствием слушал их, пока, убаюканный пением своих друзей, не провалился в глубокий сон – самое эффективное средство от всевозможных страданий и болезней, каким только обладает матушка-природа.

Глава III

Палата номер один

Следующие дни проходили для Джека и Джилл без особых изменений. Спасительный сон сменялся невеселым пробуждением, с которым к ним снова возвращались физическая боль и мрачные мысли о том, что они, по всей вероятности, на несколько месяцев вперед лишены и походов в школу, и развлечений, и даже просто возможности покинуть кровати. Примириться с этим было очень трудно, и потому они торопились поскорее вновь погрузиться в забытие.

А городок тем временем продолжал тревожиться об их участии. Первое, о чем спрашивали люди друг друга при встрече: «Ну как там Джек? А вы не заходили еще к Джилл? Не знаете, им уже лучше?» Юные, взрослые, пожилые – все жаждали новостей о здоровье раненых, которых представители старшего поколения именовали теперь не иначе как несчастными страдальцами.

Впрочем, в возрасте Джека и Джилл организмы крепки, а души податливы. Не прошло еще и недели, как оба начали постепенно выздоравливать и приспособливаться к новым для себя обстоятельствам, весьма осложнив этим жизнь домашних, которые изо всех сил стремились развлечь своих лежащих пациентов.

Успешней всего нелегкая эта задача была решена в палате номер один, как прозвала миссис Мино комнату, где лежал Джек, представление о которой я и хочу вам дать прямо сейчас. Ведь она станет сценой, где развернется множество увлекательнейших и знаменательных событий.

Каждый из братьев Мино обустроил свое жилище в соответствии с собственными склонностями и увлечениями. Комната Фрэнка была полна книг, географических карт, разнообразных механизмов, химических реактивов. На стенах вместо картин висели изображения геометрических фигур и какие-то мудреные схемы, напоминающие хитросплетения паутины. Читал он обычно в большом мягком кресле, задрав ноги выше головы. Рядом с креслом всегда находилась корзина с яблоками, чтобы в любой момент дня и ночи ими можно было перекусить. А главным украшением письменного стола являлась огромная чернильница, в которой одновременно купало перья несколько ручек.

Если Фрэнк увлекался изобретательством и науками, собираясь продолжить образование в колледже, то Джек куда больше тяготел к спорту и, чтобы освоить как следует те его виды, которые так вдохновляли и радовали юную его душу, он старался упорными ежедневными упражнениями придать телу как можно больше силы, ловкости и выносливости. Сейчас его комната, как уже говорилось, выглядела очень уютной, однако в теплые месяцы года она превращалась в подобие спортивного зала. С кресел снимались мягкие подушки.

Пол освобождался от ковра, а окна — от занавесок. С кровати убирали матрас, чтобы она стала жесткой. В качестве украшений здесь оставались гантели, стеки для верховой езды, бейсбольные биты, удочки, коньки, боксерские перчатки, большая жестяная ванна, которая наполнялась для нашего героя холодной водой, и маленькая библиотека, составленная в основном из книг о спортивных играх, лошадях, здоровом образе жизни, охоте и путешествиях.

С наступлением холодов, когда в комнате вновь появлялись все столь решительно вынесенные на лето предметы, Джек позволял себе немного расслабиться: смягчал суровый режим тренировок; вместо овсяной каши, предписанной рекомендациями по здоровому образу жизни, изредка съедал гречишную булку; отказывался от ледяной ванны, если температура на улице падала ниже нуля, а пробежки по улице заменял вечерними танцами.

Теперь же все столь любимые им занятия отодвигались от него на неопределенное время, он стал пленником в своей комнате. Лежа на мягкой кровати. В праздности. Окруженный роскошью и любящими родными, которые были готовы исполнить любое его желание. Со смесью иронии и меланхолии он наблюдал, как спартанская простота вытесняется из его жилища комфортом. Здесь появился удобный диванчик с мягкими подушками. На нем в данный момент возлежал Фрэнк, укрытый, словно пледом, плотным слоем книг, прочитать которые ему было нужно для сочинения по исто-

рии паровых двигателей. Немного поодаль расположился накрытый крахмальной скатертью стол, ломившийся от разнообразных вкусов, и все они источали столь аппетитные ароматы, что перед ними едва ли смогли бы устоять даже самые стойкие приверженцы принципов умеренности и воздержания. На каминной полке в многочисленных вазах благоухали цветы, присланные Джеку встревоженными юными леди в знак сочувствия и любви. На постели же Джека скопилось множество легкомысленных романов и иллюстрированных журналов, среди которых он и лежал под далеким от аскетизма ситцевым балдахином, как раненый воин в палатке.

Любимые спортивные снаряды Джека сложили в жестяную ванну и вынесли за дверь. Сваленное как попало, оно всем своим видом говорило, что лучшие его деньки позади. И когда кто-то случайно оставил дверь приоткрытой, герой наш, узрев эту печальную картину, едва не исторг горестный стон. Он бы и застонал, не упавши его взгляд в это время на маму.

Миссис Мино, сидя подле его кровати, скручивала бинты. Рядом с ней находилась корзинка с пластырями и всем прочим необходимым для перевязок. Именно в этот момент Джеку впервые в жизни открылось, сколько же нужно отваги и силы, чтобы вот так, как мама, сутками, почти без сна, дежурить возле постели больного, стараясь не причинять ему боли при перевязках, ободряя, сочувствуя, да к тому же еще

развлекая. Силы, которой наделена его мама, не обретишь никакими спортивными упражнениями, потому что исходит она не из натренированных мышц, а из щедрой и чуткой души. Вот и он, Джек, постарается стать таким. Отныне он не поморщится даже и уж тем более не закричит, когда его будет осматривать доктор.

– Мама, я уже вполне хорошо себя чувствую, – произнес он веселым тоном. – Пойди отдохни хоть немного. А если мне что-нибудь понадобится, попрошу Фрэнка. Он все равно лежит на диване без дела, лентяй. – Джек вполне искренне считал занятия старшего брата чем-то совершенно ничемным.

Миссис Мино какое-то время сопротивлялась, но в результате сыновья совместными усилиями уговорили ее, и она ушла к себе, напоследок дав наставление Фрэнку соблюдать тишину, если вдруг «милый наш мальчик» заснет, и постараться его развлечь, если он будет бодрствовать.

В намерения миссис Мино отнюдь не входило отсутствовать долго. Она просто хотела прилечь минут на тридцать, однако за последние дни так вымоталась, что, едва опустив голову на подушку, заснула на целых три часа. «Милый мальчик», не в пример ей, остался бодрым и энергичным, что вынуждало Фрэнка целиком и полностью сосредоточиться на его раненой персоне.

– Давай-ка я тебе почитаю, – предложил он, надеясь, что сможет увлечь брата своими занятиями и таким

образом, развлекая его, продолжить изучение паровых двигателей. – Ты только глянь, какие здесь потрясающие картинки и схемы. Поражают до глубины души, – с интригующим видом продемонстрировал он Джеку одну из толстенных книг.

Тот, скользнув по раскрытым страницам ленивым взглядом, только скривился.

– Не надо мне твоих топок и бойлеров. Я и от более увлекательного чтения уже устал, – покосился Джек на недочитанный роман, вместе с героями которого преследовал белых бизонов⁶, пока это ему вконец не наскучило. – Неужели ты не можешь придумать что-то поинтереснее?

Старший брат, тяжело вздохнув, вылез из-под своих книг и потянулся к колоде карт.

– Ну, хочешь, в криббедж⁷ или юкер⁸ сыграем?

– Скукота. Надоело, – лениво махнул рукой Джек. – Да и какая игра, если нас только двое. Все ребята сейчас еще в школе. Сидят на уроках. Эх, вот бы они сегодня зашли ко мне, – мечтательно выдохнул он. – Доктор уже разрешил меня навещать.

---

⁶ Видимо, речь здесь идет о романе «В поисках белого бизона» Томаса Майн Рида (1818–1883), английского писателя, автора популярных авантюрно-приключенческих книг для детей и юношества, таких как: «Охотники за скальпами», «Оцеола – вождь семинолов» и «Всадник без головы».

⁷ *Криббедж* – карточная игра для двух игроков, популярная в Англии и США.

⁸ *Юкер* – карточная игра со взятками, в которую играют командами по два человека.

– Как только увижусь с ними, обязательно позову их, – сказал Фрэнк. Он прекрасно понимал, как тяжело общительному и подвижному Джеку целыми днями лежать в кровати, не имея возможности перекинуться словом с друзьями.

– Вот если бы у меня был, например, телеграф или телефон, мы бы с Джилл тогда посылали по нему друг другу весточки и узнавали, как у каждого из нас идут дела, – с тоской о несбыточном произнес Джек.

– Могу сделать и то и другое, – оживился вдруг старший брат. – Выбирай, чего тебе больше хочется, – добавил он с таким видом, будто осуществление подобных задач не представляло для него никакой сложности.

– Ты серьезно? – не верилось Джеку.

– Ну да, – кивнул Фрэнк. – Начнем все-таки с телеграфа, пожалуй, – выбрал он то, что наверняка знал, как сделать.

– Давай. Джилл эта идея тоже понравится. Уверен, что она ждет от меня вестей.

– Есть только одна проблема – мне придется ненадолго оставить тебя одного, чтобы повозиться с веревками, – забеспокоился ответственный Фрэнк, зная, что брат сейчас целиком и полностью вверен его заботам.

– Да ерунда! Я спокойно побуду один, – возразил ему Джек. – А если мне что-нибудь понадобится, стукну по полу, и Энн моментально мне это принесет.

– Ага. И своим стуком разбудишь маму, – покачал головой брат. – Могу посоветовать тебе способ гораздо лучший.

С этими словами хитроумный изобретатель, можно сказать начинающий Эдисон⁹, крепко-накрепко привязал к концу удочки кочергу. Вышел длиннющий крюк.

– Им ты дотянешься до всего, что находится в комнате, и тебе не потребуется никого звать. Попробуй-ка, проверим, как эта штука работает.

Первые же испытания доказали: конструкция Фрэнка действует, и даже с большим размахом, чем хотелось бы. При попытке достать со стола носовой платок Джек едва не сорвал целиком всю скатерть. Подняв же удочку к полке, чтобы взять с нее книгу, он лишь чудом не снял крюком скальп с брата. А когда Джек попробовал задернуть на окне занавески, то разбил стекло.

– Крюк слишком длинный, у меня не получается им управлять, – с хохотом резюмировал Джек, когда в итоге удочка с кочергой напрочь запуталась в складках балдахина и тот едва не рухнул ему на голову вместе с кольцом, на котором держался.

– М-да. Пожалуй, вышло как-то не очень, – смущенно пробормотал начинающий инженер. – Ладно. Используй его только в самом крайнем случае. Ну, если тебе уж что-то совсем позарез понадобится, пока я не вернусь. А насчет стек-

---

⁹ Эдисон Томас Алва (1847–1931) – американский изобретатель и предприниматель, создатель фонографа; усовершенствовал телеграф, телефон, киноаппаратуру, разработал один из первых коммерчески успешных вариантов электрической лампы накаливания. Именно он предложил использовать в начале телефонного разговора слово «алло».

ла не волнуйся. Ты сделал с ним именно то, что нам и нужно. Теперь я протяну сквозь образовавшееся отверстие веревку для телеграфа. Лежи спокойно. Через десять минут все уже заработает.

И Фрэнк, очень довольный собой, выбежал из комнаты, а Джек, оставшись один, тут же принялся за письмо, которое намеревался отправить Джилл, как только брат справится со своей задачей.

– И кто это там так мечется? – с любопытством спросила мисс Хопкинс, самая старая из служанок в доме, глядя в окно, выходящее на коттедж. – То ли рыжая курица, то ли мальчишки змея запускают?

На самом деле у густой изгороди из туй суетился Фрэнк. Первым делом он прорубил в ней с помощью маленького топорика свободное пространство, затем пропустил сквозь него бельевую веревку, один конец ее закрепил в доме, а второй – где-то в коттедже Пэков. Вскоре на ней повисла маленькая корзинка с крышкой, которую можно было перемещать между двумя домами, если потянуть за одну из более тонких веревок, привязанных к центральной бельевой.

– Что и требовалось доказать. – Подвигав из стороны в сторону легко скользящую корзинку, Фрэнк, крайне довольный результатами своей деятельности, победно просвистел мелодию марша «Да здравствует Колумбия»¹⁰.

---

¹⁰ «Да здравствует Колумбия» («Hail, Columbia») – патриотическая песня, используется как встречный марш вице-президента США. Вплоть до 1931 г.

– Ой, ну и дела-а! Горемыки-то наши, – продолжала стоять у окна мисс Хопкинс, – вот ведь даром что все перебитые-переломанные, а снова уже шалят!

Таинственная корзинка заметалась тем временем от дома к дому, и, если бы только старая служанка знала, какие послания переносит этот Великий международный телеграф, у нее наверняка бы от хохота слетели очки с носа.

Первым делом в коттедж отправилось письмо Джека вместе с большим апельсином.

Дорогая Джилл!

Жаль, ты не можешь прийти, чтобы мы с тобой повидались. Самочувствие у меня уже неплохое, только очень трудно лежать неподвижно! Этот телеграф для нас с тобой придумал и сделал Фрэнк. Теперь мы можем переписываться и отправлять друг другу посылки. Здорово, правда? Я не могу разглядеть со своей кровати, как он устроен, но стоит тебе в своем доме дернуть за веревку, как у меня зазвонит колокольчик и я начну ждать от тебя послание. Ты любишь желе из гуаявы?¹¹ Знакомые присылают мне

в США не было официально национального гимна. «Да здравствует Колумбия» негласно исполняла его роль. Музыка к этой песне, более известной как «Президентский марш», была написана к инаугурации Дж. Вашингтона в 1789 г. композитором Ф. Файлом. И только через девять лет Дж. Хопкинсон сочинил известные каждому американцу стихи.

¹¹ *Гуаява* – вечнозеленое дерево семейства миртовых. Возделывается во всех тропических странах. Кисло-сладкие, ароматные, сочные плоды гуаявы обладают высокими пищевыми достоинствами.

*множество разных вкусовностей, которые мы с тобой
теперь можем делить пополам.*

До свидания!

Джек

Корзинка отсутствовала пятнадцать минут, а затем возвратилась. Фрэнк, глянув внутрь, изумленно присвистнул и протянул брату все тот же апельсин.

– И больше ничего? – изумился Джек.

– Ничего, – кивнул Фрэнк.

– Она что, с ума сошла?

Но не успел Джек это произнести, как кожура апельсина вдруг раскрылась в его руке и из нее выпали письмо, две железные конфетки и очень смешная сова: на скорлупе арахисового ореха с черенком в виде клюва Джилл нарисовала глаза птицы и приклеила две соломинки, изображавшие ее ноги. Оба брата расхохотались. Сходство птички-ореха с доктором Уиттингом было разительным.

– Ох уж эта Джилл! – выговорил сквозь смех Джек. – Уверен: она не перестанет шутить, даже если окажется при смерти. Ну-ка посмотрим, что она написала мне.

И, развернув небольшой квадратик бумаги, он прочел вслух:

Дорогой Джек!

*Я совсем не могу двигаться, и, знаешь, это ужасно
противно! Телеграф мне очень понравился. Благодаря
ему мы здорово развлечемся! Апельсин твой был*

объединение. А вот про желе из гуаявы ничего не могу ответить, потому что ни разу в жизни его не пробовала. И саму гуаяву тоже. Пришли мне, пожалуйста, что-нибудь почитать. Лучшие всего про медведей, корабли и крокодилов. Доктор после меня пошел к тебе. Я направила его самым длинным кружным путем. Молли Лу говорит, что без нас с тобой в школе стало безумно скучно.

Твоя Джилл

Джек немедленно отправил по телеграфу книжку «Дикие животные Азии и Африки» и порцию желе, которое в процессе транспортировки перевернулось, нанеся кое-какой ущерб диким зверям целых двух континентов. Ответ не замедлил последовать. С ним Джек получил от подруги крохотного котенка, который после извлечения его из корзинки начал громко шипеть и царапаться. Джек было собрался с такой же оперативностью переправить ей толстого белого кролика, и они с Фрэнком уже раздумывали, влезет ли тот в корзину, когда их отвлек громкий свист с улицы.

– Это ребята, – сказал Фрэнк, выглянув в окно. – Хочешь их видеть?

– Еще бы! – мигом отвлекся от своего замысла младший брат, избавляя тем самым Джилл от обременительного подарка. – Зови их скорее!

Котенок был оперативно переправлен с кровати на пол. Джеку совсем не хотелось, чтобы друзья решили, будто он занят здесь девичьими забавами с домашними зверушками.

Входная дверь грохнула, лестница огласилась топотом ног, и три существа мужского пола, переступив порог комнаты Джека, вежливыми и тихими голосами изрекли то самое слово, которое произносят при встрече мальчишки во всем мире:

– Привет!

– Привет! Заходите! Как же я рад вас видеть! – ликуя, воскликнул Джек, сильно взмахнув при этом руками, будто собирался взлететь.

– Как ты, старина?

– Нога сильно болит?

– Мистер Фипс сказал, что тебе придется заплатить за сломанную ограду!

Выпавив это наперебой, юные джентльмены с жизнерадостными улыбками расселись на стульях возле кровати Джека, и взгляды их, как по команде, приковал стол со множеством яств – зрелище чересчур притягательное для вечно голодных мальчишек, чтобы помнить об этикете, который, как всем известно, предписывает, придя в гости, не проявлять повышенного интереса к еде и тем более не набрасываться на нее.

– Налетайте, не стесняйтесь, – подбодрил их Джек. – Все милые старые леди нашего городка ежедневно присылают мне лакомства. Даже если я начну есть не переставая, с утра до ночи, мне с такой уймой еды все равно не справиться. Ну же, скорей. Помогите мне. Съешьте как можно больше. Фр-

энк, тащи сюда пончики, торты, желе, и начнем пировать.

Сказано – сделано. Гас занялся тортом, Джо – пончиками, Эд уписывал за обе щеки желе, затем все переключились на итальянские сливки, а следом за ними опустошили емкости с заварным кремом, фруктами и вафлями, впрочем, это прошло столь незаметно и ненавязчиво, что, наверное, и не стоит упоминания.

– Завтра жду вас на второй раунд, джентльмены, – с удовольствием обозрел опустевший стол радушный хозяин. – Бесплатные обеды от Джека Мино ровно в пять пополудни. Ежедневно, вплоть до полного выздоровления. Ну а теперь, друзья, расскажите мне новости.

Следующие полчаса все три языка пришедших к Джеку в гости ребят работали со скоростью и энергией паровой мельницы. Возможно, беседа продлилась бы дольше, не прерви ее резкий звонок колокольчика, возвестивший о том, что Международный телеграф снова заработал.

– Это Джилл. Загляни-ка в корзинку, Фрэнк.

Времени, пока тот извлекал послание, оказалось для Джека достаточно, чтобы поведать гостям о феноменальном изобретении брата. Друзья в ответ разразились восторженными восклицаниями, градус которых только возрос, когда корзинка на их глазах опять ушла в коттедж и почти тут же вернулась с новым подарком от Джилл. Это был картонный Джек-попрыгунчик на ниточках. Сходство его со всамделишным Джеком весьма остроумно подчеркивала стара-

тельно обмотанная ватой нога. К фигурке прилагался завернутый в плотную коричневую бумагу огромный круглый леденец домашнего производства и записка:

Дорогой сэр!

Я видела, как к Вам зашли мальчики, и сильно подозреваю, что Вы прекрасно проводите с ними время. Спешу добавить Вам еще толику удовольствия, посылаю леденец. Мне принесли его Молли Лу и Мэри, но съесть его я не могу. Мистер Уиттинг не разрешает. А оставлять его на потом – бессмысленно. Только зря испортится. Также прошу любить и жаловать картонного Джека Мино, который, если подергать его за ниточки, начнет танцевать на здоровой ноге и дрыгать больной, отчего Вы непременно начнете смеяться.

О, как бы мне хотелось быть сейчас с Вами!

Вы ненавидите жидкую кашу? Лично я – да!

Писала второпях,

Ваша Д. П.

– А давайте каждый из нас прямо сейчас напишет ей по письму, и мы их сразу отправим, – возникла идея у Джека.

На свет тут же были извлечены ручки, чернильницы и бумага. Фрэнк зажег лампу. И вся компания принялась за дело. Письма у мальчиков вышли очень разными.

Фрэнк нарисовал динамичную сцену аварии. На рисунке, словно брызги, разлетались в стороны обломки ограды; Джек сидел на дороге с распухшей, словно воздушный шар, голо-

вой; Джилл была изображена разломленной на две половины, а окружавшие их ребята были наделены хоть и карикатурными, но вполне узнаваемыми чертами. Гас с длинными, как у аиста, ногами. Молли Лу с волосами чуть не до самых плеч. Крошка Бу с огромным разинутым ртом, из которого сыпались облака воплей. Рядом стояли сани. Запряженные в них быки вышли особенно выразительными, и рога у них разветвлялись, как у оленей. Хорошо получился и мистер Грант. Патриархальная борода его развевалась на ветру, а сани, в которые он укладывал Джилл, с огромными красными варежками на оглоблях, напоминали погребальный костер.

– Ну ты и мастер! Тебе надо стать художником. Джо у тебя прямо вылитый. Сидит на оgrade, взъерошенный, словно замерзший воробей, и клякса под носом, видимо, чтобы показать, что он у него аж посинел от холода, – выставляя карикатуру на всеобщее обозрение, восхитился Гас.

– Расчирикался, папочка. Я лично предпочитаю лучше иметь такой нос, чем ноги, как у кузнечика, – парировал Джо, не понимая, почему все вдруг, повернувшись к нему, громко захохотали. Пока писал письмо, он и впрямь ухитрился посадить на лицо кляксу.

Когда приступ веселья немного поутих, мальчики стали один за другим оглашать свои послания к заточенной в неволе леди:

Дорогая Джилл!

Жаль, что ты сейчас не с нами. У нас очень весело. Джек весьма бодр. Лора и Лотти обязательно передали бы тебе привет, если бы знали, что у нас появилась такая возможность.

Выздоровливай поскорее.

Гас

Дорогой Левкой!

Надеюсь, тебе уютно в твоей темнице. Хочешь услышать под окном серенаду, когда взойдет луна? Надеюсь, ты скоро выздоровеешь, а то нам очень тебя не хватает. Рад оказать тебе любую помощь, какая только потребуется.

Искренне твой,

Э. Д.

Мисс Пэк! Дорогая мадам!

Рад сообщить Вам, что мы в порядке. Я устроил взбучку Джеми Коксу за то, что он залез в Вашу парту. Советую Вам послать кого-нибудь в школу за Вашими вещами. Пусть лучше во избежание вышеописанных недоразумений они будут у Вас, пока Вы вновь не начнете ходить на уроки. Вам совершенно не следует волноваться из-за ущерба, который Вы с Джеком своими санками нанесли ограде. Джек сказал, что эту проблему он целиком и полностью берет на себя. Мы тут устроили пир. Первоклассная вкуснятина! Сам готов сломать ногу, если смогу потом ничего не делать и меня станут так же вкусно кормить.

На сем завершаю.

С наилучшими пожеланиями и глубоким почтением,

Ваш Джозеф П. Флинт.

Списав добрую половину фраз из пособия под заголовком «Желающим выражать свои мысли в письмах изящно и элегантно»¹², Джо был совершенно уверен, что произведет на Джилл неизгладимое впечатление, и с гордостью зачитал получившийся текст друзьям.

– Ну а теперь, Джек, скорее читай свое письмо, и отправляем, а то нам пора уходить, – поторопил радушного хозяина Гас, видя, что Фрэнк уже сложил остальные послания в корзинку, и по звону посуды, доносившемуся снизу, определяя, что близится время пятичасового чая, к которому все ребята должны были разойтись по домам.

– Не буду читать. Оно личное, – решительно отказался Джек и так поспешно спрятал письмо в конверт, что всем стало ясно: он не желает показывать его никому, кроме Джилл.

Вероятно, этим дело и завершилось бы, не забудь Джек про черновик, который он запихнул под подушку столь небрежно, что часть его осталась видна. Им-то и ухитрился завладеть Джо, когда все остальные ребята увлеченно следили за работой Международного телеграфа, и, прежде чем кто-либо успел остановить его, прочитал громким голосом:

---

¹² Подобные издания, посвященные искусству написания писем, были широко распространены в XVIII–XIX вв. в европейских странах и Америке.

Моя дорогая!

Больше всего мне хотелось бы отправить тебе хоть немного себя, такого, каким я был до несчастного случая. Но это, увы, невозможно, и потому я отправляю тебе лишь свою любовь и надеюсь, что ты, как и я, стараешься быть терпеливой и стойкой. Ведь пострадали-то мы исключительно из-за собственной глупости, и жаловаться, кроме как на себя самих, нам не на кого. А мамы у нас с тобой просто чудесные, правда?! Кстати, моя собирается завтра навестить тебя. С нетерпением стану ждать ее возвращения, чтобы она рассказала последние новости о тебе.

Спокойной ночи!

Твой Джек

– Ну и разнюнился ты тут без нас! – с издевательским хохотком воскликнул Джо. – Превратился в кисейную барышню прямо. Сплошные сопли и нюни.

Остальные тоже принялись было смеяться, но, едва взглянув на Джека, умолкли. Побелев от гнева, он вдруг с силой метнул в обидчика подушку, но промахнулся. Снаряд пролетел мимо цели, едва не угодив в вошедшую в комнату миссис Мино.

– Ну-ка задержитесь и объясните, в чем дело, – строгим голосом приказала она гостям, которые при ее появлении бросились к лестнице, причем Джо развил такую скорость, что наверняка кубарем скатился бы с лестницы.

Компания замерла, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

– Да просто чуток подразнили Джека, – принялся вместо гостей объяснять ситуацию Фрэнк. – Не сердись, старина, – повернулся он к брату. – Джо не хотел ничего плохого. Письмо ведь и впрямь получилось слишком сентиментальным.

И пока он говорил, гости потихонечку улизнули.

– Я ведь просила тебя, – серьезно поглядела на старшего сына миссис Мино. – Джеку нужен покой. Эти шумные мальчишки чересчур для него утомительны. Не следовало мне оставлять его на тебя. – Она попыталась погладить Джека по золотистой голове, но тот так плотно забился под одеяло, что на поверхности осталось лишь его покрасневшее ухо.

– Да он, наоборот, очень им обрадовался, – возразил Фрэнк. – Все шло замечательно, пока Джо не начал высмеивать его письмо к Джилл. Ну вот! – Он подбежал к окну, за которым послышался шум. – Так я и знал, что Гас с Эдом не спустят Джо его выходку.

Сдавленные крики и шум доносились с улицы отчетливее прежнего. Красное ухо их тоже слышало, и, вынырнув из-под одеяла, Джек с любопытством осведомился:

– Что они делают с ним, а, Фрэнк?

–купают в сугробе. А до этого, видно, как только выбежали от нас, изрядно ему наподдали, иначе бы он так громко не выл.

– Ну, в общем-то поделом, – бросил сумрачно Джек, но тут же громко расхохотался и, живо представив себе, как в рот и ноздри Джо набивается все больше снега, скороговор-

кой добавил: – Сбегай останови их, Фрэнк. Скорее! Скорее! А то Гас со своей дикой силищей так иногда разойдется. К тому же я правда уже не сержусь. Просто передай Джо, что с его стороны это было подло.

Фрэнк убежал.

Тем временем служанка принесла на подносе чай, потягивая который Джек рассказал маме, что случилось в ее отсутствие.

– Это вовсе не глупо, не стыдно и не смешно, что Джилл мне так нравится, – сердито стуча чайной ложкой по блюду, резюмировал он. – И письмо я отправил ей такое, как нужно.

– Да. И уверена, оно ее очень поддержит, – кивнула с улыбкой мама. – Я лично предпочитаю, чтобы ты дружил с ней, а не с этими грубыми мальчишками. Во всяком случае, пока не сможешь за себя постоять.

– Вот уж насчет постоять за себя будь спокойна! – Джек гордо выпятил грудь и так энергично принялся закатывать рукава рубашки для демонстрации рельефных мышц на руках, что едва не сбил с кровати поднос. – Видишь, какой я сильный! В любой момент могу сам врезать Джо. Да будь я на ногах, он и пикнуть бы не осмелился! Но ведь я же лежу. Вот Джо и воспользовался моментом. А это подло. Ну-ну! Пусть только попробует снова!

Джек настолько расхорохорился, что миссис Мино, вероятно, расхотелась бы, не прерви вдруг героический монолог сына громкий звон колокольчика.

— Это Джилл! — мигом переключился Джек. — Мама, взгляни скорей, что в корзинке!

Там оказался длиннющий колпак из красной фланели. Девочка сшила его себе для рождественского спектакля, но, так как из-за болезни не могла в нем участвовать, решила отправить этот смешной предмет Джеку вместе с таким стихотворным посланием:

Когда пора настанет спать и свет тушить,
Не стоит пламя пальцами гасить.
Умней, без риска получить ожог,
Надеть на свечку сверху колпачок.
Вот мой колпак; лишь кинешь беглый взгляд,
И ясно: он свечам великоват,
Ведь скроен он по меркам человека,
Чтоб боль и скуку погасить у Джека.

— Ну и Джилл! — громко хлопнул в ладоши Джек. — Как же у нее ловко всегда стихи получаются! Она их часто по разным поводам сочиняет, и всегда они такие смешные! Будь здесь сейчас Джо, лопнул бы от зависти. Ему в жизни не сочинить ничего похожего, сколько ни старайся. Надо скорее послать Джилл что-нибудь вкусное к чаю. Она ведь уже ненавидит эту свою жидкую кашу.

Спустя несколько минут Международный телеграф совершил последнее на этот вечер отправление, доставив Джилл яблоко, печенье и теплую булочку.

Глава IV

Палата номер два

В палате номер два дела обстояли совсем невесело. Миссис Пэк была занята до предела, времени на развлечение больной дочери у нее почти не оставалось, так что Джилл могла рассчитывать только на саму себя. Конечно, к ней забегали девочки из школы, однако визиты их были столь мимолетны, что почти не могли повлиять на атмосферу гнетущего одиночества и тоски, которая неизбежно начинает давить на человека, оказавшегося на неопределенное время прикованным к постели. И чем более человек этот от природы общителен и энергичен, тем тяжелее ему переносить сложившиеся обстоятельства. А ведь Джилл была именно такой.

К счастью, ее спасало живое воображение, и девочка часы напролет занимала себя вымышленными историями, в которых она, пусть даже только в своих фантазиях, неизменно оказывалась среди множества друзей и была деятельна и подвижна. Эти фантазии помогали Джилл скрашивать ее одинокие монотонные дни, но как же ей хотелось встать с постели на самом деле! Время от времени она пыталась приподняться и сесть на кровати, но от любого, даже самого незначительного движения тело девочки пронзала острая боль, вынуждавшая ее вновь лечь на спину. Часто навещавший ее

доктор Уиттинг держался при встрече с ней и ее мамой довольно весело, и хотя он разговаривал с ними тоном, исполненным оптимизма, однако во взгляде его читалась постоянная тревога, отчего Джилл, хоть и не догадывалась об истинных для себя последствиях катастрофы, после его посещений неизбежно погружалась в мрачное настроение, а миссис Пэк все сильнее терзалась от мысли, что ее дорогая дочь может навсегда остаться калекой.

Телеграф стал для Джилл настоящим событием. Ведь с его помощью у двух раненых ребят появилась возможность не только постоянно обмениваться новостями, но и пересылать друг другу самые разнообразные предметы, если только размер их не превышал возможностей корзинки. Поэтому первое время колокольчики в обоих домах звенели почти не смолкая, с утра и до самой ночи. Увы, с течением времени новостей как у Джилл, так и у Джека становилось все меньше, да и откуда им, собственно, было взяться у двух пленников, заточенных в четырех стенах, если друзья, занятые учебой в школе, могли заходить к ним лишь изредка и очень ненадолго, а события их собственных жизней в основном ограничивались сводками о здоровье. Вот так и вышло, что замечательное изобретение Фрэнка, утратив свою новизну, вскоре перестало их развлекать и колокольчик день ото дня звонил все реже и реже.

Джеку было легче. Его все-таки, как только могли, старались развлечь и мама, и Фрэнк. Джилл же просто не знала,

куда деваться от скуки, и ее постепенно охватывали тоска и нервозность. Читать надоело. Игрушки приелись. И даже маленькие посылки от Джека уже почти не приносили ей радости.

— Боюсь, мэм, как бы она себя вовсе не довела до какой-нибудь лихорадки, — шепотом, чтобы слова ее не услышала дочь, произнесла однажды миссис Пэк, испытывая необходимость поделиться своей тревогой с миссис Мино, которая старалась как можно чаще наведываться к соседям. — Я в полном отчаянии. Ума не приложу, как мне быть. Раньше Джилл вовсе не обращала внимания на всякие мелочи, а теперь любая совершеннейшая ерунда может довести ее чуть не до слез. Вот, например, обои на стене — там, где ее кровать стоит. Вполне вроде приличные. Но ей вдруг взбрело в голову, что крапинки на них похожи на пауков, которые норовят заползти к ней в кровать. Как посмотрит на стену, ее тряссти начинает. А у нас нет второй комнаты. И на новые обои я сейчас денег не наскребу. Бедная моя девочка! Как же ей плохо! А что-то еще впереди ее ждет?!

Миссис Мино обвела комнату взглядом. Старательно наведенные здесь чистота и порядок, казалось, лишь подчеркивали бросавшуюся в глаза беспросветную бедность ее обитательниц. Простая, грубая мебель. Голые стены. Нигде ни единого украшения. Только предметы первой необходимости, да и тех крайне мало. Часы, лампа, коробка со спичками... Обои в комнате действительно поражали своим удру-

чающим безобразием. Грязно-коричневые с темными крапинками. Стоит ли удивляться, что Джилл со временем начали чудиться на них пауки.

Миссис Мино посмотрела на девочку. Та крепко спала в специальной, присланной доктором Уиттингом кровати. Изголовье ее можно было поднимать и опускать, в зависимости от состояния пациентки. Пока же изголовье оставалось в горизонтальном положении, и голова Джилл лишь едва возвышалась над лежавшим на постели телом благодаря плоской волосяной подушке.

«Нет, я ошиблась. В этой комнате есть украшение, да еще какое!» – продолжая разглядывать Джилл, вдруг подумала миссис Мино. Несмотря на болезнь, девочка эта и правда поражала как своей красотой, так и изяществом. Мягкий овал лица, правильные черты, копна густых темных волос, длинные ресницы, тень от которых падала на ее алевшие щеки, – все в ее облике было пронизано грациозностью, соразмерностью и гармонией, более свойственными тем, в чьих жилах течет французская кровь. А красиво расставленные на столике возле кровати подарки свидетельствовали, что девочка эта к тому же от природы наделена чувством прекрасного.

В этой по-детски наивной попытке хоть таким образом сделать их утлое жилище немного наряднее было что-то жалкое. Глаза миссис Мино заблестели от слез. «Бедная девочка, бедная миссис Пэк! Она просто в отчаянии от того, что случилось с ее единственной отрадой в жизни!»

– Душа моя, – положила она свою ухоженную руку на натруженную и загрубевшую от тяжелой работы руку миссис Пэк, – взбодритесь. Мы пройдем сквозь эти тяжелые времена вместе с вами.

В словах ее прозвучало столь искреннее стремление поддержать и такая надежда на будущее, что лицо миссис Пэк просияло.

– Ради бога, мэм. С такими друзьями, как вы, человеку и впрямь грех впадать в уныние. И хоть сердце мое разрывается от одной только мысли, что моя девочка на всю жизнь искалечена, я найду в себе силы быть бодрой. – И миссис Пэк крепко пожала руку миссис Мино.

– И давайте-ка мы пока запретим себе даже думать о скверном исходе, – твердо проговорила миссис Мино. – Он ведь вовсе не обязателен. Дженни юна. Организм ее крепок. Плюс ее вера в выздоровление. Все это порой творит чудеса. Главная наша с вами задача – стараться по мере сил, чтобы она ощущала себя счастливой, а остальное, уверена, сделает время. Ну же, моя дорогая! Давайте прямо сейчас и начнем. Пусть к моменту пробуждения ее будет ждать сюрприз.

Вскочив со стула, миссис Мино заскользила по комнате. Поступь ее была бесшумна, легка, и Джилл продолжала себе спокойно спать, пока быстрые и ловкие руки женщины сперва развешивали на стене возле кровати девочки картинки из иллюстрированных журналов, а затем раскладывали на самых заметных для больной местах разнообразные предметы,

призванные порадовать девочку.

— Выше голову, соседка! Я тут кое-что придумала, и, если все получится, это нам с вами сильно облегчит жизнь, — бодро произнесла на прощание миссис Мино, после чего ее подруга по несчастью сноровисто принялась шить новую ночную рубашку для Джека, лелея в душе надежду, что у этих верных и добрых друзей всегда для нее найдется какая-нибудь работа.

Сколь тихо ни старались вести себя обе женщины, шепот и звуки их шагов вторглись в глубокий сон Джилл, и она почти сразу же после ухода миссис Мино открыла глаза, которые так устало сомкнулись у нее по-декабрьски рано наставшим вечером. Едва глянув на стену, она тихо охнула от изумления. Вместо кошмарных обоев ее взору предстала картина, на которой художник изобразил счастливое семейство: девочка танцевала, отец играл ей на гитаре, а мать, напудренная и статная, в шелковом платье с оборками, стояла немного поодаль и, глядя на них, улыбалась. Воплощена эта сценка была до того мастерски, что кружение девочки ощущалось почти как наяву: Джилл казалось, будто она слышит топот ее красных туфелек на каблучках, тихий шорох кружевного платья и клетчатой нижней юбки из плотной парчи и видит, как в вихре быстрого танца развеваются кудри маленькой танцовщицы.

— Ой, как красиво! — воскликнула наша реальная девочка, восхищенно смотревшая в блестящие от восторга глаза

девочки с картины.

А скользнув взглядом дальше по комнате, Джилл увидела другие картинки с захватывающими сюжетами. Великосветский бал. Скачки на лошадях. Охота на слонов. Корабль, на всех парусах летящий по морю...

– Мама, кто принес мне все это? – Глаза у Джилл блеснули так же ярко, как у танцующей девочки.

– Та самая добрая фея, которая никогда не приходит с пустыми руками, – со счастливой улыбкой ответила миссис Пэк. – Посмотри вокруг повнимательнее. Ты еще много чего не заметила. И все это для тебя, моя милая. – Она поочередно указывала то на тарелку в форме листа, где едва помещалась пышная гроздь винограда, то на букетик ярких цветов, пришпиленный к белой занавеске, и, наконец, на теплый двусторонний халат, который лежал в изножье кровати ее дочери.

Джилл громко хлопала в ладоши, и именно в этот момент к ней вошли Мэри и Молли Лу с непременным Бу, трусившим следом за старшей сестрой, словно упитанный дружелюбный щенок за хозяйкой. Тут-то и началось веселье. На Джилл надели халат, попробовали фрукты, а затем принялись внимательно изучать картины, словно те представляли собой шедевры изобразительного искусства.

– Потрясающая идея закрыть таким образом эту противную стену, – по достоинству оценила Молли Лу замысел миссис Мино. – Я бы, вообще-то, всю ее сплошь завесила кар-

тинками. Ну, как в галерее. Кстати, у меня дома на чердаке лежит целый короб со старыми книгами. Они остались от моей тети, я их часто разглядываю в дождливые дни. Там много картинок. Очень смешных. Вот прямо сейчас сбегая за ними, и картинки из них мы повесим на твою стену. Или вырежем, например, бумажных кукол.

И Молли Лу унеслась, а за ней поспешил Бу, потому что, теряя сестренку из виду, он всегда становился крайне несчастным.

Картинок в тетиных книжках оказалось действительно много, и девочки просто покатывались от хохота, разглядывая одеяния модниц минувших лет. На стену было повешено изображение впечатляющей процессии, состоящей из шикарных дам в пышных юбках, высоких шляпах и узконосых туфлях без задников. Волосы у всех женщин были припудрены, талии выглядели неправдоподобно узкими, а на их губах застыли вымученные улыбки.

– А вот эта невеста и вправду, по-моему, восхитительна, – пригляделась к другой картинке Джилл, наслаждаясь тщательно прорисованными деталями старинного платья.

– Нет, мне больше всего слоны нравятся. Все на свете бы отдала, чтобы попасть на такую охоту, – мечтательно произнесла Молли Лу, которая не раз ездила верхом на коровах, ловко управлялась с лошадьми, держала у себя дома целых шесть кошек и не робела при встрече даже с самыми свирепыми собаками.

– А мне больше по душе «Урок танцев». Как это прекрасно! Огромные окна. Золотые стулья. И публика сплошь из высшего света. О, как бы хотелось мне жить во дворце с такими вот родителями, – выдохнула романтичная Мэри, которой в действительности приходилось жить на ферме, что в корне противоречило ее представлениям о прекрасном.

– Что до меня, мне ближе всего картинка с кораблем, – тихо проговорила миссис Пэк. – Он ведь английский, а я порой так скучаю по родине. Впрочем, что это я? – махнула она рукой, словно бы отгоняя нахлынувшую тоску. – Корабль-то спешит не в Англию, а как раз прочь от нее. Куда-то в далекие края. Может быть, в Индию? В Англии я часто, бывало, ходила в порт посмотреть, как они туда отплывают с миссионерами на борту. – Ее взгляд вновь затуманился от далеких воспоминаний. – Сама однажды чуть не уехала вместе с одной леди, которая направлялась в Сиам¹³. Но в результате отбыла с ее сестрой в Канаду. И вот теперь я здесь.

– О, стать миссионером – это как раз для меня! – просияла Молли Лу. – Уехала бы туда, где люди бросают своих детей на съедение крокодилам, и всех этих несчастных детей подбирали бы и спасали, открывали бы для них школу и стала бы их воспитывать, а взрослых бы обращала в нашу веру, чтобы они понимали, как жить правильно, – с чувством выпалила девочка, ибо добросердечие побуждало ее окружать заботой каждого ребенка и каждое животное, которых ей доводилось

---

¹³ *Сиам* – официальное название Таиланда до 1939 и в 1945–48 гг.

встречать на своем пути, если те испытывали хоть малейшее страдание.

– Необязательно ехать в Африку, чтобы заняться миссионерством, – возразила ей миссис Пэк. – Несчастливых существ, которые очень нуждаются в нашем внимании, без труда можно найти и рядом с домом. Беспомощных и заблудших множество и в больших городах, и в маленьких. Было бы только желание, а о ком позаботиться – обязательно найдется. Такой работы везде вдоволь.

– Тогда я с удовольствием занялась бы миссионерством и здесь, – тут же отозвалась Молли Лу. – Как это здорово – разносить в корзинке чай, рис и полезные брошюры, вести с людьми просветительные беседы. Как вам такое, а, девочки?

– Тогда нам следовало бы создать свою собственную организацию, регулярно встречаться, собрания проводить, принимать резолюции, – первой откликнулась Мэри. Всяческие торжественные мероприятия приводили ее в восторг, и она с удовольствием посещала с мамой каждое собрание Благотворительного общества шитья для бедных.

– Мальчишек, конечно, мы в свое общество принимать не будем. Оно у нас будет тайное – со значками, паролем и особыми рукопожатиями. Только вот где бы нам с вами раздобыть какого-нибудь язычника, чтобы можно было его обратить на путь истинный? – немедленно загорелась всегда открытая новым идеям Джилл.

– Ну, полагаю, язычницу, и даже подичее любого малень-

кого дикаря, мы найдем прямо здесь, — глянула на дочь с выразительной улыбкой миссис Пэк. — Начни с себя, моя девочка, и можешь не сомневаться: тебе надолго хватит миссионерской работы.

— Эта язычница, мама, если ты имеешь ввиду меня, уже с сегодняшнего дня постарается начать меняться и стать настолько хорошей, что очень скоро люди ее не узнают, — ответила Джилл. — Ведь в книжках болезнь почти всегда побуждает детей к тому, чтобы они становились лучше. Думаю, в настоящей жизни это тоже возможно, — добавила больная со столь ангельским видом, что обе ее подруги одновременно прыснули от смеха, а потом попросили миссис Пэк назвать для каждой из них какое-нибудь миссионерское задание.

— Ты, Мэри, побольше делай по дому, — откликнулась миссис Пэк. — Этим ты не только маме поможешь, но и подашь хороший пример старшим братьям. Девочки ведь способны на очень многое, если берутся даже за скучную работу весело и с удовольствием, а не сидят сложа руки, мечтая о великосветских балах и жизни в замках. Главное, помни: самые простые и докучливые обязанности могут стать привлекательными и приятными, если их выполняешь на совесть.

Покрасневшая при упоминании о великосветских балах и замках Мэри серьезно задумалась над советом миссис Пэк и решила, что, если она и впрямь последует ему, перед ней откроется широчайшее поле для деятельности.

— А я? Мне что делать? — нетерпеливо спрашивала у мис-

сис Пэк Молли Лу, мечтавшая о собственной, возложенной на нее миссии. – Имейте в виду, с той поры, как у нас поселилась мисс Бат, меня больше не напугает даже целая дюжина крокодилов, – воинственно объявила девочка, имея в виду пожилую леди, которая исполняла в ее семье обязанности домоправительницы.

– Ну, дорогая моя, тебе тоже не придется долго искать подходящего маленького язычника. – И миссис Пэк указала на Бу, который, замороженный ужасным словом «крокодил», молча тарасился на всю компанию.

Из носа у него текло, а платок отсутствовал. Руки покраснели от цыпок. Одежда на мальчике была сильно потрепана, чулки штопаны-перештопаны. Тугие кудряшки на голове явно давно уже не видели расчески.

Молли покачала головой, глядя на братишку:

– Я стараюсь, конечно, чтобы он поприличнее выглядел, но мне не всегда удается за ним уследить. Сам-то он терпеть не может ни причесываться, ни умываться. Мисс Бат на него вообще наплевать, а отец, когда я ему говорю об этом, только смеется.

Не прекращая объяснения, пристыженная Молли усадила братика себе на колени и обтерла лицо малыша своим носовым платком, а затем жестом, каким звонят в колокольчик, несколько раз дернула его за волосы и вновь опустила с коленей на пол, воскликнув:

– Да! Мы с ним парочка диких язычников! И только я

могу нас спасти!

И девочка не преувеличивала. Потому что их с Бу отца интересовала только его собственная мельница, а старая и ленивая мисс Бат до того, по всей вероятности, утомилась, ухаживая на протяжении многих лет за детьми своих бывших хозяев-вдовцов, что теперь сочла возможным расслабиться. Молли подобное положение дел возмущало и унижало, однако она даже и не пыталась хоть как-то улучшить его, она сама, как умела, искренне заботилась о своем запущенном братишке.

– Ты справишься, дорогая моя, – подбодрила ее миссис Пэк, которой на собственном опыте довелось узнать, какво одной заботиться о ребенке. – Ну вот, теперь у каждой из вас есть своя миссия. Хотите действовать тайно? Что ж, тогда давайте будем собираться раз в неделю, чтобы каждая из участниц нашего Тайного общества могла поведать о своих успехах или неудачах. В том числе и я, поскольку с этой минуты я тоже вхожу в его состав, – с улыбкой проговорила миссис Пэк.

– Ну, до Рождества-то нам не начать. К нему ведь надо столько всего сделать. Ни на что другое времени не останется. Так что приступим сразу в новом году, – тут же взяла в свои руки бразды правления Тайным миссионерским обществом Джилл, как и почти в любых начинаниях.

А потом они вновь занялись цветными картинками: часть из них пошла на дальнейшее украшение стен, а из остальных

вырезали фигурки модниц, которые вскоре стараниями трех девочек превратились в бумажных кукол. За работой подружки, естественно, не прекращали болтать. И как это обычно случается в долгих беседах разумных существ, разговор постоянно переходил от смешного к серьезному и обратно, что вызывало у них то звонкий смех, то грустные вздохи, а еще мгновение спустя снова звонкий хохот.

– Как же у меня теперь весело! Будто на вечеринке, – с удовольствием обозрела Джилл галерею из модниц. Одежда всегда ее увлекала, а на изготовленных куклах и на развешенных картинках ее оказалось очень много, самых разных типов, цветов и фасонов.

– Кстати, о вечеринке. Жаль, но на нынешнее Рождество мы, наверное, от нее откажемся. Ведь без вас с Джеком все будет совсем не так. Поэтому мы решили просто обменяться подарками, – угрюмо проговорила Мэри, приставляя к одной из бумажных кукол голову от другой, чем были в данный момент заняты и другие девочки, развлекаясь эффектом неожиданных сочетаний.

– Ну, я-то через две недели уже поправлюсь. А вот Джеку уж точно к Рождеству не успеть. Ему больше месяца нужно, чтобы нога срослась. Вот я и подумала, не согласится ли его мама устроить на Рождество танцы в общей комнате мальчиков у них дома? Тогда бы мы вволю натанцевались, а Джек мог бы на нас смотреть, – поделилась своей идеей Джилл. Танцевать она обожала, однако, увы, не догадывалась, сколь-

ко времени, даже при самом лучшем раскладе, потребуется, чтобы ноги ее обрели прежнюю легкость и подвижность и смогли двигаться в танцевальных ритмах.

– Тогда тебе лучше как можно скорей намекнуть о своей задумке Джеку. И я даже знаю как, – подхватила ее идею Молли, которой очень хотелось бы оказаться на вечеринке в доме Мино. – Отправь ему несколько наших бумажных модниц вместе с запиской, что эти леди непременно должны присутствовать на их рождественской вечеринке.

Для посылки были отобраны туловища двух молодых дам, сидящих в карете. Одной из них, одетой в желтое платье, приставили голову, увенчанную нелепым зеленым капором с пышным плюмажем, а другой, облаченной в бархатную мантилью и меховое боа, досталась голова невесты с фатой и флердоранжем. Сопроводительное письмо, положенное вместе с этим произведением искусства в корзину Великого международного телеграфа, гласило: «Мисс Лора и Лотти Бартон спешат на рождественский бал в дом Мино».

Нарекая нарядных кукол в бумажной карете именами реальных девочек, которые, как она знала, нравились Джеку, Джилл брала у них небольшой реванш: в жизни эти две сестренки своими изысканно-скромными манерами всякий раз, словно нарочно, подчеркивали, что сама она чересчур дерзкая, а многие из ее поступков недопустимы и заслуживают осуждения.

Ответ от Джека не приходил довольно долго. Не зная, что

и подумать, девочки опасались, уж не обидела ли его их шутка, когда под громкий звон колокольчиков в окно всплыла тяжело нагруженная корзина с привязанным сбоку рулоном из листов плотной цветной бумаги. Внутри корзины оказалась коробка, в которой что-то гремело, зелено-серебряный бумажный кулек, несколько мотков узких ленточек, катушка суровых ниток, несколько больших игл и записка от миссис Мино:

Дорогая Джилл!

Я решила, что наши раненые непременно должны насладиться рождественской елкой, а потому Рождество у нас состоится, и все твои элегантные модницы, разумеется, тоже будут приглашены. Догадываюсь, что ты хочешь помочь в подготовке праздника, поэтому посылаю тебе цветную бумагу. Сделай, пожалуйста, из нее кульки для засахаренных слив. В корзинке ты найдешь все необходимое для изготовления бус, которые, если тебе будет не лень нанизать стеклярус на нитки, очень украсят елку и наверняка доставят удовольствие как приглашенным девочкам, так и их куклам. Джек посылает тебе образец уже готового кулька. А ты сделай, пожалуйста, для него образец двойных бус с решетчатыми промежутками, чтобы он понял, как с этим справиться.

Если тебе будет еще что-нибудь нужно, сообщи мне.

*Писала впопыхах,
твоя Анна Мино.*

«Благослови Господь доброе сердце миссис Мино! Как же она всегда точно знает, чем можно порадовать мою бедную девочку!» – воскликнула мысленно миссис Пэк, и рукав новой рубашки для Джека, который она в этот момент вшивала в пройму, заблестел вдруг от капель куда более ярких, чем присланные Джилл бусины.

Разборка посылки сопровождалась радостными возгласами. Из недр коробки явился на свет великолепный крупный стеклярус всех цветов радуги, и девочки тут же начали обсуждать, в каких сочетаниях он будет выглядеть лучше всего на двух нитях бус. Кончилось тем, что каждая нанизала стеклярус по своему вкусу, и вскоре готовые бусы уже красовались у них на шеях.

– Я ничего не имела бы против, если бы у меня тоже ужасно болела спина, но зато я могла целый день лежать и делать такие чудесные вещи! – воскликнула Мэри, неохотно расставаясь с иглой, потому что ей было уже пора возвращаться к домашним обязанностям, которые сейчас, после так приятно проведенного времени, казались ей еще более скучными, чем обычно.

– Я тоже, – поддержала ее Молли Лу. – Ой, как ты думаешь, Джилл, миссис Мино, когда у тебя будут готовы кульки, разрешит их тебе самой наполнить засахаренными сливами? Если да, позови меня обязательно. С удовольствием

помогу! – вызвалась она, выгибая каким-то немыслимым образом шею, чтобы проверить, идут ли к ее коричневому платью красовавшиеся на ней лилово-зеленые бусы.

– Я, конечно, спрошу у миссис Мино, только боюсь, что укладку слив тебе нельзя доверить. Слишком уж ты любишь сладкое. А твой Бу – еще больше, – покачала головой Джилл, и только тут, спустя весьма долгое время, все вдруг вспомнили о существовании малыша.

Его застали за весьма интересным занятием, а именно – полировкой пола, которую он производил при помощи носового платка сестры и машинного масла, обильно выдавленного им из масленки. Оторванный от своего развлечения, весь блестящий от масла, малыш впал в гневное возмущение, так что Молли Лу пришлось унести Бу домой под его нескончаемый громкий вопль.

В прежние дни болезни после ухода девочек Джилл начинала ощущать себя особенно одинокой. Сегодня все было по-другому. Напевая веселую песенку, как счастливая канарейка, она продолжала нанизывать разноцветный стеклярус, а потом принялась за кульки. Так миссис Мино прогоняла из душ двух раненых ребят стужу, и на смену ненастным сумеркам для них наступал ясный день.

Глава V

Секреты

Клубов и обществ в Хармони-Виллидж существовало множество, но мы уделим внимание только тем, которые имели отношение к молодежи. Летом мальчики посвящали себя бейсболу, а девочки – катанию на лодках, отчего и те и другие становились крепкими, здоровыми и румяными. С приходом же осени для мальчиков открывался Дискуссионный клуб, а для девочек – Драматический. Заглянув в первый, вы, дорогие читатели, наверняка услышали бы весьма выразительные и искусные речи на самые разные темы, а во втором непременно стали бы зрителем какого-нибудь спектакля – от «Ромео и Джульетты»¹⁴ до бессмертных «Песен Матушки Гусыни»¹⁵. Оба клуба часто объединяли усилия, добиваясь при этом весьма впечатляющих результатов, и юные Демосфены¹⁶ превосходно играли мужские роли в

---

¹⁴ *«Ромео и Джульетта»* – знаменитая трагедия Уильяма Шекспира (1564–1616), величайшего английского поэта и драматурга.

¹⁵ *«Песни Матушки Гусыни»* – сборник ставших классическими детских стихотворений, песенок, шуток и прибауток, выпущенный в Англии в 1760 г. и получивший широкую популярность в англоязычных странах.

¹⁶ *Демосфен* (около 384–322 до н. э.) – древнегреческий оратор и политический деятель.

спектаклях, а представительницы Мельпомены¹⁷ проявляли немалый талант, изображая восторженную публику, внимающую выступлению очередного пламенного оратора.

На Рождество начинающие ораторы и актрисы собирались осуществить грандиозные планы, но несчастный случай на склоне, выбивший из их рядов лучшего красноречивую и лучшую поющую горничную, вынудил ребят перенести воплощение задуманного на февраль и приурочить представление к дню рождения Джорджа Вашингтона¹⁸, который в этом патристическом городке всегда отмечался очень торжественно. У жителей были на то весьма веские основания. Ведь, проезжая однажды через Хармони-Виллидж, этот отец-основатель своей страны то ли надел здесь ночной колпак, то ли снял сапоги, что, впрочем, ухитрился проделать (о, наш вездесущий первый всенародно избранный президент!) почти во всех уголках Соединенных Штатов.

Готовясь к великой дате, мальчики изучали различные эпизоды из жизни героев Американской революции¹⁹, девоч-

---

¹⁷ *Мельпомена* – в древнегреческой мифологии муза трагедии.

¹⁸ *Вашингтон Джордж* (1732–1799) – американский государственный деятель, первый всенародно избранный президент Соединенных Штатов Америки (1789–1797), один из отцов-основателей США, главнокомандующий Континентальной армией, участник Войны за независимость, создатель американского института президентства. Традиционно каждый год 22 февраля в Америке празднуется день рождения Джорджа Вашингтона.

¹⁹ *Американская революция* – политические события в британских колониях Северной Америки в 1775–1783 гг., вызванные нежеланием колоний подчиняться интересам метрополии и недовольством мерами, которые ограничивали их

ки репетировали отрывки из пьес, созвучных событию, а молодой человек девятнадцати лет, по имени Ральф и фамилии Эванс, изо всех сил старался помочь и тем и другим. Трудно было найти в Хармони-Виллидж кого-то отзывчивее и добрее, чем он. Все знали, какой заботой Ральф окружил свою бабушку, которая целиком и полностью находилась на его попечении. Он откликался на зов всех нуждающихся и, если мог, приходил им на выручку. Добавьте к этому привлекательную наружность, веселый нрав, изобретательность и талант – и вам станет ясно, почему Ральф Эванс пользовался такой любовью у всех, кто был с ним знаком, и такой популярностью среди юного населения городка.

Любая задача, похоже, была ему по плечу. Когда девочек охватило отчаяние из-за того, что в зале не оказалось очага, совершенно необходимого для их постановки диккенсовского «Сверчка на печи»²⁰, Ральф Эванс просто нарисовал его на стене и, поместив на фоне картины газовую горелку, заставил чайник, к восторгу юных актрис, всамделишно закипать. Но и для клуба ораторов Ральф был поистине незаменим. Стоило мальчикам хоть немного заскучать, как он

внутреннее развитие, закончившиеся образованием США. Война за независимость США является частью и завершающим этапом Американской революции, которая привела к появлению новой формы государства – конституционной президентской республики с избираемым президентом.

²⁰ «Сверчок на печи» – повесть Чарльза Диккенса (1812–1870), английского писателя, классика мировой литературы, одного из крупнейших прозаиков XIX в. «Сверчок на печи» входит в состав «Рождественских повестей» Диккенса.

доводил их до колик, виртуозно и очень смешно пародируя речи известных политиков или изображая каких-нибудь исторических персонажей. Ни одна благотворительная ярмарка не обходилась без деятельного участия мистера Эванса. А уж в магазине, где он работал, этот мастер на все руки постоянно изобретал и осуществлял какие-нибудь эффектные новшества.

Миссис Мино очень радовало, что Ральф Эванс дружит с ее сыновьями. Ум и энергия, с которыми юноша старался как можно полнее и шире использовать данные ему от природы таланты, казались ей лучшим живым примером для мальчиков. Ведь и Фрэнку, и Джеку в скором времени предстояло вступить во взрослую жизнь, а, беден ты или богат, без труда и упорства, которыми только и можно развить способности, судьбы своей не построишь. И так как Ральф Эванс словно бы воплощал собой поступательное движение ко все более сложным целям, миссис Мино была крайне довольна тем, что в последнее время он стал частым гостем в их доме.

В ненастные дни он каждый вечер на правах настоящего друга семьи обязательно забегал к ним, готовый исполнить любое поручение или развлечь несчастного узника уморительными историями о дневных своих приключениях. А чего только он не изобретал для Джека: особый столик, который можно было расположить на кровати; механическую опору для пострадавшей ноги; подъемник, позволяющий легко поднимать или опускать ногу на необходимую высо-

ту... За время болезни Джек привязался к Ральфу больше прежнего. Фрэнк тоже души в нем не чаял. Ведь оба они увлекались механикой, и Ральф стал для него настоящим гидом по этой части, часами обсуждая с ним цилиндры, поршни, клапаны и балансиры. Визиты чуткого молодого человека стали настоящим спасением и для скромного коттеджа миссис Пэк. Именно Ральф добыл для Джилл надувную подушку, чтобы девочке было легче лежать, и сконструировал распылитель для ароматной жидкости, которая, распыскиваясь мелким дождем на лоб несчастной страдальцы, так замечательно утишала ее частые головные боли.

После недели полной изоляции от внешнего мира для Джека и Джилл наступили лучшие времена. Возле кровати Джилл начали регулярно собираться девочки; мальчики с тем же постоянством навещали Джека, и едва ли кому-нибудь из лежащих больных приходилось переносить свое заточение веселее.

Чем меньше времени оставалось до Рождества, тем больше ползло по школе слухов. Мол, в доме Мино и в коттедже миссис Пэк готовят какие-то потрясающие сюрпризы. Какие именно – для всех, за исключением нескольких посвященных, оставалось тайной. В комнатах же двух больных, словно в логовах конспираторов, тем временем творился настоящий бедлам. Джек и Джилл то едва не запутывались в паучьих хитросплетениях суровой нитки, когда нанизывали двойные ожерелья, то погрязали под многослойным пологом

разноцветной бумаги, ловко сворачивая конусы, и только к вечеру, когда сделанное перемещалось в шкаф, кровати их и пространство вокруг обретали относительно аккуратный вид. А с наступлением утра над порядком вновь одерживал верх жизнерадостный хаос, и под проворными пальцами наших героев рождались яркие бумажные цветы, и нарядные елочные гирлянды, и еще множество всякой всячины, которая придает рождественской елке столь сказочное очарование.

Покончив с праздничными украшениями, они принялись сочинять поздравления: Джилл – в стихах, а Джек – в прозе. Работа предстояла большая, так как количество подарков за створками шкафа росло день ото дня и к каждому требовалось приложить какой-нибудь текст.

Но кроме этих маленьких сюрпризов, которые втайне от всех создавали наши больные, в доме Мино готовился еще и главный, большой сюрприз, и его-то хранили в строжайшем секрете как раз от Джека и Джилл.

Только Фрэнк, Ральф и миссис Мино знали, о чем говорят, когда с загадочным видом произносили что-то туманное насчет «предстоящих радостей» или вели непонятные разговоры про птиц, а потом, произведя какие-то измерения линейкой, удалялись в общую комнату мальчиков. Похоже, там и была расположена штаб-квартира, где готовилась тайная операция, однако сквозь ее плотно закрытые двери не просачивалось даже крупиц информации. Туда то и дело входили-

ли сурового вида мужчины с банками клея и стремянками. Скопившийся у братьев за несколько лет хлам переносили в подвал или на чердак. Слышно было, как в комнате двигают мебель. Оттуда раздавался стук молотков. Однажды миссис Мино застигли возле полуоткрытой двери, глядящей задумчиво на горки чего-то зеленого. Ароматы, распространившиеся по всему дому, выдавали присутствие в общей комнате мальчиков живых цветов. В дом приносили все новые и новые свертки, но об их содержании догадывались лишь немногие. А одна из служанок как-то застала маму Джилл стоящей с улыбкой посреди спальни, которой уже давно никто не пользовался.

– Видимо, нас все-таки ждет рождественское представление, – высказала догадку Молли Лу, когда они с Мэри обсуждали загадочные приготовления в доме Мино. Девочки явились к Джилл, чтобы дошить начатые рождественские сюрпризы. Свои изделия юные мастерицы предназначали друг для друга, наивно полагая, что, устроившись так, чтобы их рукоделие не было видно остальным, они тем самым сохраняют совершеннейшую секретность подарка.

– А я думаю, будут танцы, – озвучила свое мнение Мэри. – Я вчера вечером забежала к Мино узнать у Джека, какой у него самый любимый цвет, синий или желтый, чтобы не ошибиться с бантиком на перочистке, которую хочу ему подарить. Ну вот. И пока я была там, то слышала, как мальчишки разучивают фигуры какого-то танца, – пояснила она,

довязывая прямо перед носом Джилл ей же предназначенные красивые белые носки для сна.

– Нет, без нас с Джеком они ни того ни другого не устроят. Наверное, там просто готовят место для очень хорошей и высокой елки. Сами скоро увидите, – уверенно проговорила Джилл из-за подушек, которыми прикрывалась, словно экраном, чтобы не было видно, что она шьет для подруг салфетки – по одной на туалетный столик каждой из них.

– Мой вам совет: не ломайте голову понапрасну. Все равно ведь не догадаетесь, – усмехнулась миссис Пэк. Она сидела здесь же, отвернувшись от девочек и старательно скрывая от них свой сюрприз, изготавливаемый ею из кусочков муслина.

– А я и не собираюсь больше гадать. Мне все равно! В конце концов, у нас тоже есть тайна! – воскликнула Джилл, имея, конечно же, в виду их Тайное миссионерское общество, хоть бы оно даже еще и не начало работать.

Джек тоже, в свою очередь, пытался играть с домашними в угадайку, предположив сперва, что их с Фрэнком общую комнату переделывают под столовую, чтобы на время, пока его нога еще не зажила и он не может спускаться по лестнице, все семейство собиралось бы за едой наверху. Затем он выдвинул версию, что там появится комната, пригодная для его занятий с приходящим учителем. Когда же и эта версия была опровергнута, Джек воспылал надеждой, что в их с Фрэнком комнате появится домашний театр.

– Нет, – ответила ему мама, – в этой комнате будут держать то, что тебе очень нравится.

– Неужели уток? – обрадовался он, не понимая Впрочем, каким образом им удалось бы устроить на втором этаже водоем.

– Нет, только одну маленькую уточку вместе с глупым ослом, – давясь от хохота, брякнул Фрэнк и, тут же опомнившись, унесся прочь, вопя на бегу то «иа-иа», то «кря-кря».

– Эта комната будет отведена для существ, которых я очень люблю, но тебе ведь известно, что я не большая поклонница ослов и уток, – загадочно улыбнулась миссис Мино, складывая поношенную одежду для посылок, которые, добавив в них немного сладостей, каждый год перед Рождеством отправляла бедным соседям.

– Ну, теперь ясно! – воскликнул Джек в полной уверенности, что наконец проник за завесу тайны. – Вы оборудуете там палату для еще более больных людей, чем я!

– Трудновато мне было бы заниматься новыми пациентами, пока не вылечу этого, – выразительно глянула на него мама. – Знаешь, мне сейчас вспомнилось одно давнее Рождество. Я провела его в бедных домах и больницах одного большого города. – Темп речи у миссис Мино заметно ускорился, как бывает, когда боишься проговориться. – Компанию мне составляла одна чудесная женщина, которая к тому времени уже тридцать лет кряду изо всех сил старалась сделать так, чтобы у обездоленных и несчастных хотя бы один

день в году был по-настоящему счастливым. Мы с ней раздали двести кукол, невероятное количество конфет и игрушек. И это не считая новой одежды и ярких картинок для детей-сирот и больных младенцев, которым, увы, никогда не стать взрослыми. Ах, мой мальчик, – покачала она головой, пряча от сына полные слез глаза, – этот день мне, наверное, никогда не забыть. Какую же я почувствовала тогда благодарность за все, что дано мне Всевышним! С той поры, как некогда моя чудесная компаньонка, я всегда стараюсь помогать страждущим и делать для них все, что только в моих силах.

«Но ведь мне это тоже по плечу», – впечатлившись рассказом мамы, подумал Джек. И, совершенно позабыв на время о Большой Тайне, он погрузился в размышления о своей собственной, маленькой тайне. Карманные деньги у него были. А значит, он мог приобрести на них какой-то подарок и порадовать им хотя бы одного из тех бедняков, которых не ждет рождественская елка.

Глава VI

Сюрпризы

– Погода хорошая? – первое, о чем спросила Джилл ранним рождественским утром, даже еще как следует не проснувшись.

– Да, дорогая. На улице ясно, как только могло пожелать твое сердце. Давай-ка позавтракай, а после начнем приводить тебя в порядок и одевать для сегодняшних радостей. Надеюсь, они окажутся тебе по силам, – ответила миссис Пэк, суетливо двигаясь по комнате одновременно со счастливым и несколько встревоженным видом. Сегодня Джилл должны были перенести в дом миссис Мино, и мать девочки, естественно, беспокоилась, не скажется ли отрицательно на здоровье дочери это первое ее со дня несчастного случая перемещение.

Совсем скоро девочка уже лежала в полной готовности и в таком лихорадочном нетерпении, что время для нее стало тянуться мучительно медленно. Ей почудилось, что с момента ее пробуждения минула целая вечность, когда ровно в девять к ним пришел наконец доктор Уиттинг, осуществлявший контроль за переносом пациентки, а вместе с ним – Фрэнк и Ральф. Тщательно закутав больную в теплые одеяла, эта троица доставила ее до запряженных быком саней,

стоявших у самого выхода из коттеджа Пэков. Затем девочку довели на санях до парадной двери дома Мино, откуда прямо в специальной медицинской кровати ее подняли на второй этаж, — и она очутилась в общей комнате мальчиков.

Там уже находилась миссис Мино, которая, освобождая девочку от теплых одеял, принялась у нее что-то спрашивать, однако на какое-то время Джилл от изумления потеряла дар речи. Большая комната мальчиков изменилась до неузнаваемости, и какими же чудесными были эти метаморфозы! Джилл словно попала в цветущий сад, а точнее — в одну из тех сказок, которые так нравятся детям и в которые они мечтают попасть.

Потолок приобрел цвет лазурного неба. По изображенным на обоях шпалерам вились нарисованные же цветущие колокольчики, среди которых порхали нарисованные птицы и бабочки. Однако эта роспись на стене выглядела до того натурально, что, казалось, зелень на ней двигалась и трепетала, словно в июльском саду, овеваемом теплым ласковым ветерком. Окна комнаты были обрамлены гирляндами из вечнозеленых растений; вместо штор по бокам от них высилось по этажерке с живыми цветами, так что открывающийся по ту сторону стекол вид на заснеженную морозную улицу создавал фантастическое ощущение, будто бы вы попали одновременно и в зиму и в лето.

Сочно-зеленый, с жестким высоким ворсом, ковер на полу выглядел как травяной газон. На нем стояли садовые сту-

лья. В центре комнаты гордо высилась великолепная туя, которая с нетерпением ожидала, когда наконец настанет момент наряжать ее к Рождеству. В огромном очаге пылало полено для сочельника. А на дымоходе, украшенном ветками падуба, ярко сияли слова, которые неизменно приводят в трепет наши сердца, с тех пор как мы начинаем сознательно воспринимать этот мир: «Счастливого Рождества!»

– Ну, дорогая, тебе понравилось? Это и есть наш сюрприз для тебя и Джека. Полагаю, вы сможете здесь славно проводить время. Ну и мы иногда вместе с вами, – первой нарушила затянувшееся молчание миссис Мино.

– О-о, это так прекрасно! А больше прямо не знаю, что и сказать... – Джилл замолчала и, простерев с восторженным видом руки к миссис Мино, заключила ее в объятия.

– Есть какие-нибудь идеи, что нам нужно сделать, чтобы здесь стало еще уютнее? – крепко сжала ладони девочки миссис Мино, очень довольная, что они с Фрэнком и Ральфом не зря потрудились.

– Ну, если тут чего-то и не хватает, то только Джека, – весело рассмеялась Джилл.

– Да-да, – словно бы спохватилась миссис Мино. – Этот предмет обстановки необходимо доставить сюда как можно скорей. Иначе он прискачет сам, на одной ноге. – И, хохотнув, женщина торопливо зашагала по направлению к комнате, из которой доносились то стук, то посвист, то еще какие-то звуки, воплощавшие крайнее нетерпение. Это Джек,

изнывая, ждал, когда наконец и ему покажут сюрприз.

Джилл стоило больших усилий лежать спокойно, когда из коридора послышались стук колес медицинской кровати и голос Джека.

– Право руля! Лево руля! Сбавить ход! Полный вперед! – зычно командовал наш Колумб²¹ своим матросам Ральфу и Фрэнку, которые вывезли его в первую после полученного им ранения экспедицию.

– Ну и ну! – воскликнул он ошеломленно, когда в поле его зрения оказалась чудесная комната. А мгновение спустя он исторг еще более громкий вопль, потому что увидел Джилл.

– Джек! Джек! – зазвенел ее голос в обширном пространстве комнаты. – Я здесь! Здесь! Подвезите его скорее поближе!

И специальная кровать мальчика, превращенная сейчас в кресло на колесиках, покатила по ярко-зеленому газону ков-ра, в то время как Джек новой серией зычных команд принялся подбадривать Ральфа и Фрэнка и не умолкал до тех пор, пока две кровати не встали вплотную друг к другу.

– Правда здорово?! – не сговариваясь, воскликнули Джек и Джилл, едва оказавшись рядом.

Всех остальных в комнате тоже захлестнула волна веселья: Фрэнк с Ральфом начали прыгать вокруг рождествен-

---

²¹ *Колумб Христофор* (1451–1506) – мореплаватель, генуэзец по происхождению, прославившийся открытием Америки, совершенным им в 1492 г. в результате плавания, предпринятого на деньги Испанской короны.

ского дерева, исполняя какую-то дикую версию фанданго²²; доктор Уиттинг, глядя на них, зашелся от хохота; обе матери с сияющими лицами смотрели на своих счастливых детей, а Джек и Джилл, громко хлопая в ладоши, выкрикивали как заведенные:

– Счастливого Рождества! Счастливого Рождества!

Когда буря эмоций несколько улеглась, миссис Мино, миссис Пэк и Фрэнк с Ральфом поспешили вернуться к делам, которых у них перед праздником было еще достаточно много, а Джек и Джилл остались наедине друг с другом.

– Великолепно выглядишь, – отметила Джилл после того, как они еще какое-то время наперебой повосторгались убранством комнаты.

– Ты тоже, – окинув ее внимательным взглядом, ответил галантный Джек.

Вид у обоих и впрямь был цветущий, чему в немалой степени способствовала радость, озарявшая их лица. И оделись оба красиво. Джилл для этого случая выбрала элегантный капот из красного бархата и белое жабо, с которыми весьма эффектно сочетались разноцветные бусы, ярко переливающиеся в лучах солнца. Черные ее кудри были тщательно уложены и забраны в сетку. На ногах девочки поблескивали изящно украшенные мягкие туфельки. Костюм Джека не отличался подобной эффектностью, однако мальчик тоже

---

²² *Фанданго* – испанский народный танец, исполняемый в паре в сопровождении гитары и кастаньет.

тщательно подобрал все его составляющие и выглядел сейчас настолько празднично, насколько это позволяло его нынешнее состояние: синий халат с синими обшлагами и воротником дополняли безупречная белая рубашка с прекрасными запонками, синий шелковый галстук и надушенный платок из синего шелка, выглядывающий кокетливым уголком из нагрудного кармана халата. Светлые волосы мальчика были расчесаны на прямой пробор, а волнистая челка, спускаясь на лоб, прикрывала собой черный пластырь. Ноги Джека укутывал плед.

– Как же я счастлив тебя снова видеть! – то и дело повторял он, и голубые его глаза сияли ярче ясного зимнего неба, а в широкой улыбке открывались почти все его белоснежные зубы. – Правда здорово, что мы здесь теперь вместе и будем развлекать друг друга?!

– Еще бы не здорово! – кивнула Джилл, и лицо ее вдруг погрузнело.

– Что случилось? – спросил Джек, от которого не укрылась эта перемена в настроении подруги.

– Ну, понимаешь, один день – ведь это так мало, – выдохнула она. – Вечером я вернусь домой, и мне станет еще хуже, чем раньше.

– Но ты вечером не вернешься домой, а останешься здесь надолго, – торопливо произнес Джек. – Разве твоя мама ничего не говорила тебе?

– Нет. Впервые об этом слышу. Как здорово! – вновь за-

блестели глаза девочки. – Неужели я правда останусь? И где я тогда буду спать? И что моя мама будет делать без меня одна? – обрушила она, не переводя дыхания, поток вопросов на Джека.

– Все предусмотрено, – победно улыбнувшись, ответил тот. – Мама от меня скрывала. Боялась, наверное, что я тебе выболтаю. Но Фрэнк в результате все-таки раскололся. Здесь, на втором этаже, для тебя приготовлена спальня. Твоя мама, конечно, тоже к нам переедет. А в этой комнате мы все вместе будем развлекаться, пока не выздоровеем.

У Джилл от подобной перспективы перехватило дыхание. И прежде чем она вновь обрела дар речи, в комнате появились Фрэнк и Ральф с двумя огромными бельевыми корзинами, полными самых разнообразных предметов для украшения рождественской ели-тсуги²³.

– Кто же все это устроил? – начал расспрашивать Джек, пока его старший брат и Ральф прикрепляли проволокой свечи к веткам дерева.

– Придумала мама, а мы с Ральфом осуществили, – откликнулся Фрэнк. – Без него здесь было бы и вполосину не так красиво. Именно Ральф придумал нарисовать эти шпалеры и наклеить на них птиц с бабочками. А вон туда, – указал Фрэнк на другую стену, – прикрепил канареек. Как они смотрятся на синем фоне, а? – призвал он Джека и Джилл оценить странного вида желто-оранжевых картонных перна-

---

²³ *Тсуга* – вечнозеленое долгоживущее хвойное дерево из семейства сосновых.

тых, по виду которых можно было предположить, что их во время полета настиг сердечный приступ.

– Твоя мама, Джек, сказала, что эта комната по праву может называться Птичьей, вот мы и решили поймать тебе для коллекции птичку-пирангу²⁴, – весело покосился Ральф на Джилл, и впрямь сейчас очень напоминавшую красивую яркую птичку в уютном гнезде.

– Молодцы, – поддержал шутку Джек. – И мы будем держать ее в этой прекрасной клетке, пока не сможем вместе взлететь. Слушай, Джилл, как ты думаешь, сильно мы будем отставать от остальных ребят, когда вернемся наконец в школу? – неожиданно посерьезнел он.

– Сильно, если не будем заниматься, – ответила девочка. – Кстати, доктор уже разрешил мне заниматься – при условии, что я буду лежать. Молли принесла мне из школы мои учебники. А Мэри обещает забегать каждый день после уроков и рассказывать, что они проходили. Вот не стану хуже учиться, пусть даже у меня спина треснула! – решительно потрянула девочка головой, и несколько черных кудряшек, выбившись из-под сетки, пружинками заплясали у нее на лбу.

– Фрэнк предлагал натаскать меня по латыни, но мне было лень, и я вообще ничего не делал, – признался Джек. – Давай-ка вместе теперь возьмем себя в руки. Прямо с нового

---

²⁴ *Пиранга* – певчая птица семейства танагровых с ярким окрасом самцов в брачный период: красным блестящим оперением на голове и теле и черными крыльями и хвостом.

года и начнем, – предложил он. Учеба, конечно, его увлекала далеко не так сильно, как лежащую от него чуть поодаль ясноглазую девочку, но он не хотел отстать от нее.

– Давай, – с охотой согласилась Джилл. – Ребята последнее время в основном занимались повторением, а значит, мы не слишком много пропустили. Если как следует в каникулы позанимаемся, то нагоним. Ой, знаешь, я так ужасно скупаю по школе, – вздохнула она, отчетливо вспоминая каждую кляксу и выщербину на поверхности своей парты.

– Посмотри, настала очередь наших с тобой поделок. По моему, они очень недурно выглядят. – Джек увидел первым, как миссис Мино принялась развешивать на зеленые ветки яркие разноцветные конусы со сладостями, покрытые золотой краской орехи, румяные яблоки и желтые апельсины. Затем от ветки до ветки растянулись широкими параллельными дугами нити с нанизанными вперемежку шариками попкорна и алой клюквы. И наконец, на пушистой ели одно за другим яркими радужными бликами заиграли бусы, для которых миссис Мино, Фрэнк и Ральф выбирали места с тем расчетом, чтобы на них попадало как можно больше света.

– Никогда еще не видела такого роскошного дерева! – всплеснула руками Джилл. – Как хорошо, что мы с Джеком тоже сумели помочь с украшениями для него, хотя мы оба и прикованы к кроватям. Вы уже все развесили? – поинтересовалась она, когда трое трудившихся возле ели отошли в сторонку.

– Не совсем, – откликнулась миссис Мино. – Передай-ка мне, Фрэнк, вот это, – указала она на нарядную коробку и, когда старший сын поставил ее перед ней, бережно вынула оттуда фигурку младенца с белоснежными ангельскими крыльями.

Выглядел он совсем как живой. Розовый, пухленький. С нежным румянцем на озаренном улыбкой лице под прядями шелковых волос. Короткие ручки широко разведены и простерты вперед, словно в стремлении заключить в объятия и благословить весь мир. Крылышки из мягчайшего пуха трепетали при малейшем прикосновении, и, казалось, младенец вот-вот воспарит в воздух.

– Это что, святой Николай?²⁵ – любуясь фигуркой, спросила Джилл, потому что по странному стечению обстоятельств ни разу не видела изображения святого младенца, да и как-то не задумывалась особенно о глубинном значении праздника Рождества.

– Нет, дорогая, – покачала головой миссис Мино. – Это фигурка младенца Христа. Его-то рождение мы сегодня и празднуем. По-моему, мне удалось выбрать очень краси-

---

²⁵ *Святой Николай* (ок. 270 – ок. 345) – святой в исторических церквях, архиепископ Мир Ликийских (Византия). В христианстве почитается как чудотворец, на Востоке является покровителем путешествующих, заключенных и сирот, на Западе – покровителем практически всех слоев общества, но в основном детей. Святой Николай дал начало персонажу Санта-Клаусу. На основании его Жития, в котором рассказывается о его даре приданого трем дочерям разорившегося богача, произошли рождественские подарки.

вую. — И она повернула младенца так, чтобы Джилл и Джек могли его хорошенько разглядеть.

— Выглядит как настоящий ребенок, — отметил Джек и с таким видом коснулся розовой ножки, словно ждал, что фигурка очнется и примется лепетать.

— В Монреале мы с мамой заходили в одну часовню. Там тоже стояли фигуры святых. И святой Николай очень походил на эту фигурку, почти вылитый, но без крылышек, — продолжала внимательно смотреть на младенца Джилл. — И еще Николай на руках ягненка держал, — добавила она, одновременно размышляя о том, позволят ли ей поиграть немного с прелестным младенцем, если она осмелится об этом попросить.

— Молитесь же, дети, Ему с открытой душой, старайтесь в поступках своих подражать Ему и всегда помните: ради нас Он отдал Свою жизнь и Он любит каждого из нас, — трепетно проговорила миссис Пэк, с такой нежностью повязывая фигурке белую ленту, словно каким-то чудом у нее на руках оказался сам святой младенец во плоти. — Да, конечно же, статуэтка не более чем символ. Но полагаю, вы не оставите благодарных мыслей о Нем весь этот день: и в разгаре праздничного веселья, и в миг вручения подарков, и во время вечерней молитвы.

С этими словами женщина протянула фигурку Ральфу, они с Фрэнком надежно ее прикрепили к крюку в потолке над вершиной дерева, после чего создалось полное впечат-

ление, будто младенец парит над елью на своих легких крыльях, благословляя и эту комнату, и тех, кто в ней находился, и весь светлый сегодняшний день.

Момент был столь впечатляющий, что Джек и Джилл какое-то время не могли оторвать замороженных взглядов от лучезарной фигурки, да и остальных охватило схожее чувство. Даже солнце, казалось, устремило самые яркие свои лучи навстречу младенцу, даже огонь в очаге, золотя волосы на его голове, изо всех сил старался осветить его поярче, а тут к тому же снаружи послышался мелодичный звон церковных колоколов, призывающих вспомнить историю жизни Того, Кто много сотен лет назад явился на свет и тем самым положил начало празднованию Рождества.

– Да, – первой нарушила благоговейную тишину мама Джека. – Мне думается, так гораздо лучше, чем если бы мы поставили рядом с елью фигурку Санта-Клауса. – Она вновь подняла голову, чтобы полюбоваться на лучезарного младенца. – Хотя и Санту, может, чуть позже достанем.

Трое тружеников, спохватившись, что их ожидает еще множество дел, ушли – Ральф и Фрэнк в церковь, а миссис Мино заняться обедом для больных.

Момент благодати, снизошедшей на всех в комнате всего мгновение назад, был хоть и краток, однако не прошел незаметным для Джека и Джилл.

– Думаю, мы с тобой должны постараться стать очень хорошими, – начал Джек, едва они с Джилл остались наеди-

не. — Люди так добры к нам. А мы уже выздоравливаем и можем теперь великолепно проводить время вместе. Как бы мне хотелось постараться сделать что-то такое, чем я мог бы выразить всем, кто нас окружает, благодарность.

— Да, мы должны постараться, — столь же искренне прозвучало из уст Джилл. — Хотя это ужасно трудно, когда болеешь. Я так устаю оттого, что не могу двигаться. Прямо выть хочется. Но ради мамы я должна держаться, чтобы не испугать ее. Поэтому я просто тихонько плачу. А ты, Джек, не плачешь?

— Мужчины никогда не плачут, — отрезал он. — Но меня тоже порой начинает так все раздражать... Тогда я пинаю ногой одеяло и говорю ему: «А катись-ка ты!» Ну а когда мне совсем паршиво, срываюсь на Фрэнке. Он ничего, терпит. Потому что хороший брат. — И Джек мысленно дал себе обещание, что, как только поправится, предоставит старшему брату право ответить на все обиды и сочтет справедливым любое возмездие.

— А я думаю, Джек, что в этой чудесной комнате нам будет легче стать хорошими. Не представляю себе, как можно злиться и раздражаться, когда вокруг так красиво, — не отводила девочка взгляда от ангела, парящего над рождественским деревом.

— Если бы нам поесть еще поскорей принесли, — просто-наконец в ответ Джек. — Согласен даже на что-нибудь не такое красивое, как все здесь. Я жутко голодный. Утром-то толком

даже и не позавтракал, так хотелось скорее с тобой увидеться и про другие сюрпризы узнать. А Фрэнк, как назло, все время твердил, что мне нипочем не угадать, когда ты у нас появишься, и поэтому я к твоему приезду наверняка не буду готов. В результате я так обозлился, что запустил в него вареным всмятку яйцом. Ох, как же оно все вокруг заляпало!

Весьма живо представив себе, как солидный Фрэнк в панике уворачивается от брошенного в него яйца и оно с хрустом врезается в стену, оставляя на ней желто-белое доказательство того, что Джек позволил себе впасть в грех раздражения, Джилл залилась смехом, а виновник маленького утреннего происшествия подхватил его. Смех в таких случаях заразителен, так что к моменту, когда в комнату вошла миссис Мино, а следом за ней – миссис Пэк с подносом в руках, двое больных, подзуживая один другого, уже надрылись от безудержного хохота.

– Кажется, новое лекарство славно работает, а, соседка? – обернулась миссис Мино к миссис Пэк.

– Так и есть, мэм, – со счастливой улыбкой откликнулась мама Джилл. – У меня ощущение, будто я и сама его изрядно глотнула, до того на душе легко.

И действительно, заперев за собой при выходе дверь коттеджа, она словно оставила за ней большинство своих тревог и невзгод. Лицо ее вдруг разгладилось, посвежело. Исчезли куда-то горестные складки у рта. И даже Джилл с трудом сейчас узнавала маму в улыбчивой, энергичной женщи-

не, повязавшей поверх красивого платья сияющий белизной и свежестью накрахмаленный фартук.

– Когда ешь что-то вкусное не один, а с кем-нибудь вместе, оно становится в два раза вкуснее, – заключил Джек, когда они с Джилл принялись воодушевленно уплетать принесенные мамами сэндвичи, запивая их молоком из изящных фарфоровых кружечек с розовыми бутонами по белому полю.

– Не наедайтесь сверх меры, иначе следующий сюрприз пропадет, – предостерегла их миссис Мино, но поздно: тарелки стояли пустыми и молоко до последней капли исчезло в их пересохших от болтовни ртах.

– Еще сюрприз? Потрясающе! – Джилл была вполне готова к любым новым подвигам в области наслаждений.

Джек энергичным кивком подтвердил, что полностью с ней солидарен, и обе мамы покинули их, оставив гадать за играми и разговорами, какой еще сюрприз готовит им сегодняшний день.

Так продлилось до двух часов пополудни, а затем миссис Мино и миссис Пэк принесли в Птичью комнату новую часть сюрпризов, а именно невероятное количество всяких вкусностей. И начался настоящий пир. Едва на двух маленьких прикроватных столиках убывало что-то одно, обе матери, пекущиеся о своих питомцах, как птицы о птенцах в гнезде, уже спешили поставить перед ними новое блюдо. Фрэнк председательствовал на этом обеде и умудрился съесть

столько, что миссис Мино, не сосредоточь она в тот момент все свое внимание на Джеке и Джилл, была бы изрядно поражена той стремительной скоростью, с которой его стараниями исчез солидных размеров мясной пирог.

– Девочки сказали, что это Рождество для них из-за нашей болезни испорчено, но мне совсем так не кажется. И им тоже, уверена, перестанет казаться, как только они увидят это потрясающее место и узнают о наших потрясающих планах, – говорила Джилл, периодически закидывая в рот орешки, цукаты и засахаренные фрукты, с восточной щедростью насыпанные на большое блюдо.

– Я бы назвал это лучшим Рождеством в мире для тех, кто временно вышел из строя, – подхватил Джек. – Во всяком случае, у меня никогда еще не было ничего подобного. Хочешь еще изюма, Джилл? Вот тебе славненький крупненький экземпляр, – изловчился он бросить ей прямо в открытый рот солидных размеров изюминку.

– Для нас с Джилл это было бы самое грустное и одинокое Рождество, если бы не ваша мама, мальчики, – прочувствованно проговорила миссис Пэк. – Позвольте поблагодарить вас от всей души, мэм, – повернулась она на мгновение к маме Джека и Фрэнка, но в следующий момент потупила взор, будто ее что-то необычайно заинтересовало в кофейной чашке. Именно так поступали обычно леди на ее родине, в Англии, когда им требовалось скрыть слезы.

– Позвольте провозгласить тост за наших матерей, – под-

нялся на ноги Фрэнк с бокалом воды в руке, ибо в доме миссис Мино не подавали к столу вина даже на Рождество.

– Гип-гип-ура нашим мамам! – тут же выкрикнул Джек, так размахивая своим бокалом, что добрая половина воды выплеснулась ему на халат, зато оставшуюся он выпил с таким прочувствованным видом, что настала очередь проследиться миссис Мино.

Джилл, войдя в роль элегантной дамы на роскошном великосветском обеде, послала маме воздушный поцелуй, после чего все по очереди принялись произносить тосты друг за друга, пока наблюдательный Фрэнк не высказал опасение, что Джека скоро поглотит вода, которую он каждый раз, поднимая бокал, выплескивал на кровать.

– Да, кажется, вам пора немножечко отдохнуть, – тут же проговорила миссис Мино.

Краткий дневной сон приблизил наступление сумерек.

– Ну, теперь нам недолго уже осталось ждать. Скоро наступит самое лучшее, – сказал Джек, которому было известно: вечернее развлечение начнется достаточно рано, чтобы потом они с Джилл могли вовремя лечь спать.

– Надеюсь, девочкам понравятся подарки. Я очень старалась сделать то, что им хочется. Не знаю, какие подарки сама получу, и мне не терпится их увидеть, – вся в ожидании близкого праздника, сказала Джилл.

– Один из подарков уж точно тебе понравится, потому что я сам его выбирал, – интригуяюще произнес Джек.

– Имеешь в виду, что их будет много? Больше одного? – пытливо взглянула на него девочка.

– Имею в виду, что ты узнаешь, сколько их, после того, как их раздадут. Дверной колокольчик вчера звонил много раз. Это девочки приходили, и каждая оставила для тебя какие-то свертки. Кажется, тут их семь, – сообщил Джек, подсчитав количество таинственных посылок, которые висели на сгибающихся под их тяжестью ветках рождественского дерева.

– Я про твои подарки тоже кое-что знаю, – загадочно улыбнулась Джилл. – Вот в этом квадратном свертке находится вещь, которую тебе очень хотелось. Я подсказала Фрэнку, и он для тебя ее приобрел. Оно все такое снаружи красное с золотом. Как только увидишь, точно «ура» закричишь. Тот, что колбаской, тоже тебе, – перевела она взгляд на сверток – цилиндрик, висевший у ствола дерева. – Я сама его сделала. – И девочка прикусила губу, боясь выболтать, что под оберткой лежат те самые синие варежки, которые она пообещала Джеку за считанные мгновения до несчастного случая.

– Время настанет – узнаю, – изобразил силу воли Джек, однако тут же принялся кидать в свертки попкорн, проверяя по звуку удара, какие из них мягкие, а какие твердые.

– Это подарок для Бу, – решила сообщить ему Джилл еще кое-что, о чем знала. – Игрушечная собачка, которая может лаять. И еще ему подарят маленькие желтые санки. Пусть Молли зимой его на них возит в школу. А то он все время

падает, когда скользко.

– Бога ради! Не говори мне про санки! – поморщился Джек. – Ни видеть их не хочу, ни слышать о них! И ты бы, уверен, не захотела, если бы тебе ногу загипсовали да к тому же противовес к ней прикрепили. – И, раздраженно дрыгнув здоровой нижней конечностью, он угрюмо покосился на груз, который привязали к больной ноге, чтобы, срастаясь, та не стала короче.

– Ну знаешь ли, корсет на спине, массажи и мази ничуть не приятнее твоего противовеса. И больно мне, по-моему, даже сильнее, чем тебе. Хотя «сломанная нога» звучит, конечно, гораздо серьезнее, чем «ушибленная спина», – оскорбленно проговорила Джилл, пытаясь, как это часто случается среди больных, отстоять серьезность собственного состояния.

– Полагаю, ты бы так не говорила, если бы доктор Уиттинг вправлял тебе кость. О Цезарь²⁶ и все его воины, как же мне было больно! – весь сжался от кошмарного воспоминания Джек.

– Но ты не терял от боли сознание, а я потеряла во время проверки, не сломан ли мой позвоночник, – упорно настаивала на первенстве собственной боли Джилл, не особенно

---

²⁶ *Цезарь Гай Юлий* (100 – 44 до н. э.) – великий полководец, государственный деятель, римский диктатор и писатель. Убит сторонниками республики во главе с Брутом и Кассием. Завоевания Юлия Цезаря на пять столетий обеспечили безопасность Римской империи и позволили распространить в странах Европы римские законы, обычаи, латинский язык.

понимая, впрочем, что такое позвоночник.

– Потеряла сознание? Да подумаешь! Вы, девчонки, от любой ерунды падаете в обморок, – бросил свысока Джек. – Не то что я. Хотя мне было чертовски больно.

– Но ты выл. Я знаю об этом от Фрэнка. А вот меня доктор Уиттинг считает смелой, – не собиралась сдаваться Джилл. – В общем, не хвастайся. И не думай, что ты лучше, чем я. Тебе, между прочим, еще какое-то время придется ходить с костылем.

– А тебе с двумя. И может быть, много лет, – огрызнулся Джек. – Я слышал, как доктор Уиттинг говорил это моей маме. Так что я все равно поправлюсь раньше, чем ты.

Они покраснелись. В глазах обоих заплясали огоньки гнева. Еще чуть-чуть – и к приятным сюрпризам, которыми оказался так богат их сегодняшний день, добавился бы еще один, неприятный, в виде ссоры, если бы от двери вдруг, очень вовремя, не послышался веселый посвист. Это к ним вошел Ральф зажечь свечи и добавить кое-какие заключительные детали в праздничное оформление Птичьей комнаты.

– Как дела, молодежь? Надеюсь, вы славно проводите время? – бодро полюбопытствовал он, раскладывая стремянку и взбегая по ней к вершине дерева с зажженной спичкой в руках.

– У нас все прекрасно, – сердито буркнула девочка.

Джек и вовсе не произнес ни слова. И оба под покровом

темноты, комната в это время лишь совсем немного подсвечивалась пламенем очага, продолжали с красными лицами наблюдать за действиями Ральфа.

Свечей на дереве загоралось все больше. Потрескивая и мигая, они мало-помалу развеивали вечерние сумерки, убежавшие от их света, как чертенята от белого дня.

«Сейчас Джек увидит меня, а я знаю: лицо у меня сердитое», – запаниковала Джилл, в то время как мистер Ральф, спустившись на очередную ступеньку, зажег еще один ряд свечей.

Джек, опасаясь того же самого по отношению к Джилл, перестал хмуриться, едва стремительно вбежавший в комнату Фрэнк подкинул в очаг свежее полено. Пламя загудело. Яркие его всполохи заплясали на лицах лежащих в кроватях спорщиков. И тут же с первого этажа донесся такой знакомый возглас:

– О силы небесные! Куда делся этот ребенок?!

Джилл невольно заулыбалась, поняв, что это пришла Молли Лу.

А Джек со счастливым видом принялся отстукивать ритм марша, который в этот момент внизу, в гостиной, заиграл Эд. Звуки музыки, однако, не могли заглушить детские голоса, шарканье и топот многочисленных ног, свидетельствовавшие о том, что собравшиеся у подножия лестницы выстраиваются для подъема наверх.

– Чур, мы первые! – разом выкрикнули Гас и Фрэнк, убе-

жавшие встречать гостей.

– Вперед! – минуту спустя скомандовала миссис Мино, и вверх понеслись взволнованные мальчики и девочки, нарядившиеся в праздничные костюмы и платья.

– Ох! Ах! Ну и ну! Вот это да-а! – разразились нестройным хором гости при виде Птичьей комнаты, ее убранства, рождественского дерева, чудесного младенца, словно парящего над ним, и солидного Санты, стоящего у его подножия – с белой пышной бородой и в меховой шубе, обильно припорошенной снегом, а точнее, тальком из банки.

Когда унялись первые восклицания и приветствия, Ральф принялся раздавать подарки, проявляя при этом такой артистизм, что от его уморительных речей, шуток и гримас комнату сотрясали взрывы звонкого смеха. Даже прохожие на улице останавливались послушать этот веселый гул, а потом продолжали свой путь в полной уверенности, что в доме семейства Мино совершенно точно устроили самое веселое Рождество на свете.

Если бы я взяла на себя труд описать все подарки и все изъятия радости со стороны тех, кому они доставались, это заняло бы чересчур много места. Поэтому просто поверьте моим уверениям: каждый остался доволен. А королю с королевой этого торжества вручили такую уйму даров, что их кровати превратились в подобие ярмарочных прилавков. Джек сиял над классером²⁷ для марок в красном с зо-

---

²⁷ *Классер* – филателистический альбом (иногда папка) специального изготов-

лотом кожаном переплете – давней своей мечтой. А Джилл ощущала себя невысказанной богачкой, став обладательницей серебряного ножа для фруктов, корзиночки для шитья и – пылающие уголья ей на голову! – кольца от Джека. Совсем простого кольца с крохотной незабудкой из бирюзы, которое тем не менее вызвало у девочки такой прилив чувств, что ей пришлось на какое-то время отвернуться от гостей. «Прости. Прости меня, Джек, что я на тебя рассердилась», – мысленно повторяла она, не отводя глаз от бирюзового цветка у себя на пальце. Но ведь не скажешь этого Джеку в присутствии стольких людей, да и подарки все подносили и подносили к ее кровати: носки для сна от Мэри, горшочки с анютины-ми глазками, гиацинтами и геранью – от Гаса и его сестер, странного вида пирог, испеченный Молли, и цитра – презент от Эда, который пообещал, что обязательно научит Джилл играть на ней.

Прекрасная ель в скором времени утратила часть своего убранства, а пол оказался усыпан зернышками попкорна, которые гости обильно роняли, срывая его с длинных нитей и норовя вместе с ним ухватить сладкие клюквины. Бу настоял на немедленном испытании новых санок и предпринял в них экспедицию по зеленому ковру, оживляя свое путешествие лаем пятнистой собачки, дудением в оловянный горн и воплями, которые исторгал из собственной глотки. Девоч-

---

ления, предназначенный для хранения марок и других филателистических материалов (блоков, конвертов).

ки надели бусы и принялись с видом великосветских дам танцевать. Мальчики, не забывая при этом с большим проворством уничтожать все съестное, что попадалось им под руки, демонстрировали друг другу кто коньки, кто запонки, кто бейсбольный мяч и еще много других прекрасных и нужных предметов, чьими счастливыми обладателями они только что стали.

Время за танцами, играми и общением пролетело столь стремительно, что веселящаяся толпа оказалась очень удивлена, когда миссис Мино объявила:

– Увы, дорогие мои, уже девять. Пора расходиться. Нашим больным нельзя нарушать режим.

Но прежде чем торжество действительно завершилось, все, кроме Джека и Джилл, взявшись за руки, окружили рождественскую ель и спели «Благословенный день»²⁸:

Что нам в Рождество
Принести Христу?
Как порадовать Его
В Рождество поутру?
Мы поднимемся чуть свет
В Рождество поутру
И помолимся Ему —

---

²⁸ «Благословенный день» («*The blessed day*») – популярный рождественский гимн, более известный под названием «На утро Рождества» («*On Christmas day in the morning*»), написанный на стихи Мэри Элизабет Мейп Додж (1838–1905), американской детской писательницы и издателя журнала для детей «Святой Николай», автора знаменитой повести «Серебряные коньки».

Вот ответ.

Ну а что же мы споем

В Его честь светлым днем?

Мы в разгар Святого дня

Гимны вечные споем

И, тепла своих сердец

Не тая,

Будем славить Христа-короля.

Джек был так поспешно уведен спать, что, едва успев крикнуть уходящим гостям: «Спокойной ночи!» – очутился у себя в спальне. Джилл тоже вскоре перенесли в другую комнату, где она обнаружила себя уютно укутанной одеялом на большой удобной кровати, которую должна была делить с мамой.

После шума, поднятого гостями, дом, как казалось девочке, застыл в неестественной тишине. Лишь редкие тихие голоса и приглушенный звук шагов внизу несколько нарушали воцарившееся безмолвие. Миссис Пэк ненадолго ушла к себе домой проверить, все ли там в порядке. Спать Джилл еще не хотелось, и, лежа среди подушек, она вспоминала обо всех сюрпризах сегодняшнего дня.

Лампу мама перед уходом погасила, но дверь в Птичью комнату, освещенную огнем из очага, оставалась открытой, так что девочка сквозь нее могла видеть стены в цветах и птицах, рождественскую ель и висящую над ней фигурку святого младенца. Едва взглянув на нее, Джилл отчетли-

во вспомнила слова миссис Мино и собственное решение непременно стать хорошей, и сердце ее вдруг сжалось от боли, а на глазах выступили слезы.

«Ведь обещала себе и почти тут же забыла, – стгорая от стыда, размышляла она. – Как я могла такое наговорить Джеку! Это же несправедливо. Он ведь действительно пострадал сильнее меня. И на самом деле храбро держался, когда ему кость вправляли. Ах, зачем же, зачем я испортила ему праздник?! Какая неблагодарность! Ведь они с миссис Мино столько хорошего сделали для нас с мамой. Жалко, что я не могу прямо сейчас пойти к нему, извиниться и услышать в ответ: „Все в порядке“».

Джилл громко всхлипнула и, наверное, в следующий момент окончательно разрыдалась бы, не насторожи ее вдруг едва различимый шум совсем рядом. Девочка поглядела в дверной проем, за которым взад-вперед расхаживал Фрэнк. В одной руке у него была скрученная кольцами веревка, в другой находился какой-то предмет, похожий на ракушку. Тихо посмеиваясь и разматывая веревку, Фрэнк двинулся по направлению к Джилл.

«Наверное, это какой-нибудь фейерверк, – видя, с какой осторожностью он держит странный предмет, предположила Джилл. – Сейчас подойдет поближе и подожжет. Ладно. Тогда закричу громко-громко. Пусть обрадуется, что его шутка удалась».

– Слушай, Джилл, ты не спишь? – прошелестел его шепот.

– Нет, – подтвердила она.

– В комнате, кроме тебя, кто-то есть? – последовал новый вопрос.

– Нет, – ответила Джилл.

– Тогда лови. – И он ловко кинул в ее протянутую ладонь маленький барабанчик, который девочка сперва приняла за ракушку. – Приложи к уху, а дальше сама все поймешь.

Немного помешкав, она прислушалась... Из барабанчика вдруг донесся знакомый голос:

– Прости меня, Джилл, что я на тебя рассердился. Давай просто об этом забудем и завтра начнем все сначала. Согласна?

Девочка с полминуты ошеломленно молчала. А затем, стараясь изо всех сил, чтобы голос не дрогнул, произнесла в поднесенный ко рту барабанчик:

– И ты прости меня, Джек. Никогда-никогда больше не буду такой. Ох, насколько же мне теперь стало легче! А теперь давай спать, старина. Спокойной ночи.

Не успела она это сказать, как очень гордый своим изобретением Фрэнк рывком выдернул у нее из рук, потянув за провод, барабанчик телефона и исчез. Глаза у Джилл стали слипаться. Но прежде чем погрузиться в глубокий сон, она еще раз посмотрела на парящую над вершиной дерева фигурку и прошептала:

– Вот уж теперь никогда не забуду, что должна стать хорошей.

Глава VII

Миссия Джилл

На следующий же день Джек и Джилл действительно стали хорошими. И всю неделю оставались такими. Только вот с учебой, несмотря на решение нагнать за каникулы одноклассников, которое было принято некими молодыми людьми в Рождество, дело как-то не двигалось. Да и впрямь, мыслимо ли думать о занятиях и корпеть над домашними заданиями среди потрясающей красоты Птичьей комнаты, да еще когда вас окружает гора подарков. Ими ведь хочется насладиться, освоить их в полной мере – и на это наши герои тратили целую кучу времени и почти всю энергию.

– Наверное, лучше нам подождать с учебой до конца каникул. Вот отправятся ребята в школу, тогда и начнем, – после нескольких весьма вялых попыток засесть за латынь внес коррективу в первоначальный план Джек.

Настроение у него было прекрасное. Доктор Уиттинг только что снял с ноги гипс, и это значило, что опостылевшему лежанию скоро придет конец и он, Джек, сможет хоть и на костылях, но вставать с постели и самостоятельно передвигаться по дому.

– Я все же оставляю учебник грамматики под подушкой. Буду в него иногда заглядывать, а то у меня с право-

писанием плохо. Но в остальном посвящу каникулы тебе, Джек, – не особо сопротивлялась предложенному компромиссу Джилл. – Я собираюсь стать полезной и во всем оказывать тебе помощь, и выполню это, – добавила девочка твердо, ибо с недавнего времени полагала миссионерство своим главным призванием, в котором она способна наиболее полно себя проявить.

Мама Джилл, когда та призналась ей как-то наедине, что будет в чем только можно стараться помогать Джеку, чтобы он мог стать лучше, горячо поддержала девочку.

– Замечательная идея, дочка. Это пойдет и тебе на пользу, и добром на добро ответишь. Мы ведь с тобой перед ними в большом долгу, – ответила миссис Пэк, в свою очередь готовая на любые жертвы ради семейства Мино.

Но, воодушевленно принявшись за дело, Джилл упустила из вида, что, прежде чем исправлять недостатки подопечного «дикаря», их следует сначала изжить в себе. Общаться с таким приятным «язычником», как Джек, ей было легко и радостно, а миссию свою она видела в том, чтобы отныне на него не сердиться и ни в чем ему не перечить. И в результате не только не помогала ему изжить недостатки, но и сама день ото дня все сильнее заражалась от него ленью и праздностью.

Так один за другим замелькали веселые беззаботные дни самого увлекательного миссионерства на свете. «Всем бы таких язычников», – думала Джилл каждый раз, когда Джек изобретал для них очередное развлечение. В учебник, хоть

он и лежал у нее по-прежнему под подушкой, она почти не заглядывала, а Джек беззастенчиво увиливал от латыни. Зато они прочитали все увлекательные книги, какие только им удалось заполучить, к тому же они постоянно принимали гостей, а свободное от того и другого занятия время посвящали дрессировке большого ангорского кота по имени Снежок, которого рассчитывали научить приносить им мячик, когда тот во время игры падал на пол.

Проведя в этих занятиях неделю, оба все чаще стали впадать в вялость и скуку. Ведь отдых и развлечения подобны десерту, и, если питаться, к примеру, одним лишь сливочным пудингом, как бы вам это блюдо ни нравилось, вас в результате, скорее всего, от него замутит.

В субботу погода испортилась. Небо затянули свинцовые тучи. Пошел мокрый снег. Гостей поэтому не было, и наши герои развлекались раскладыванием марок в новый кляссер Джека. Кляссеры тогда как раз вошли в моду, и мальчики часто их брали с собой на встречи, чтобы произвести со своими хранившимися в них коллекциями примерно то же, что делают взрослые мужчины с акциями на бирже: одни экземпляры продавали, другие покупали, третьи обменивали. У Джека была небольшая, но хорошая коллекция, и мальчик давно уже копил деньги на покупку красивого кляссера, в котором он мог бы должным образом расположить и систематизировать свои сокровища. Джилл сказала об этом Фрэнку, и тот преподнес младшему брату на Рождество замечатель-

ный толстый классер, а друзья в дополнение к альбому подарили Джеку еще кое-какое количество редких марок. Их-то и помещали теперь Джек и Джилл в зазывно пустующие ячейки нового классера, одновременно меняя расположение экземпляров, которые там уже находились, чтобы выстроить все собрание в определенной логике и последовательности.

Джилл, вооружившись клеем, кисточкой, ножницами и бумагой, нарезала и приклеивала к маркам тоненькие пружинки-хвостики; Джек, с шуршанием перебирая свои сокровища, размышлял, прикидывал, решал, на какое место в классере поставить каждую марку, чтобы коллекция выглядела наряднее...

После непродолжительного отсутствия войдя в Птичью комнату, миссис Мино застала такую картину: щеки, лбы и носы Джека и Джилл были сплошь обклеены разноцветными марками, что придавало обоим весьма экзотический вид.

– Ну и во что вы теперь играете? – любопытствовала она. – В диких индейцев? Или в письма, которым пришлось путешествовать по всему миру, прежде чем они дошли до адресата?

Миссис Мино рассмеялась. Зрелище было тем более уморительным, что, оформленные таким диким образом, лица обоих хранили серьезное и крайне сосредоточенное выражение. Да и как могло быть иначе, если на тот момент их целиком и полностью поглотило изучение редкой марки, в подлинности которой Джек вдруг усомнился.

– Нет, мама, мы ни во что не играем, – с неохотой отрываясь от своего занятия, принялся объяснять он. – Просто нам так удобнее. Во-первых, марки на кроватях не затеряются. А во-вторых, я сразу вижу, какие из них на лице у Джилл, а она без труда разыщет те, что понадобятся мне в какой-то момент, на моем. Эй, Джилл, – с тревогой глянул он на лицо подруги, – куда задевалась моя Новая Гранада²⁹? Она очень редкая. Не хотелось бы мне потерять ее.

– Отлепи ее от своего носа, – прыснула девочка. – Сам ведь туда наклеил свою Гранаду, потому что мой нос оказался тебе для нее недостаточно крупным.

Джилл принялась осторожно снимать с широкой переносицы своего друга большой оранжевый квадрат. Процесс оказался весьма болезненным. Клей основательно прихватился, и, пока девочка отлепляла марку, Джек морщился.

– Ну да. Теперь вспомнил, – покивал он, помещая Гранаду в классер. – У тебя на носу Малый Боливар³⁰. Пусть пока там повисит. А я забираю с твоей щеки Эльзас и Лотарингию тысяча восемьсот семидесятого года³¹, – принялся он отлеп-

---

²⁹ *Новая Гранада* – испанское вице-королевство в Южной Америке, включавшее в себя территории современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы и Эквадора и просуществовавшее с 1718 по 1821 г.

³⁰ Такие марки выпускались в штате Боливар в Колумбии в 1863–1866 гг. Они были размером 8 × 9,5 мм и достоинством 10 центов и 1 песо.

³¹ Во время Франко-прусской войны 1870–1871 гг. Пруссия, оккупировавшая восточные французские области Эльзас и Лотарингию, эмитировала для них семь почтовых марок с обозначением номиналов в французской валюте. На мар-

лять марки от ее лица.

Джилл, в отличие от него, переносила этот процесс стоически и, вместо того чтобы ойкать и морщиться, улыбалась, поглядывая на огонь в очаге и воображая себя миссионером, несущим свет и истину аборигенам какой-нибудь дикой страны, которые в ответ поджаривают его на костре. «Вот не буду кричать, пусть щеке и больно, – твердо решила она. – Настоящие миссионеры всегда встречают страдания стойко и весело».

– Недурное собрание получается из романских марок, – чуть погодя с удовольствием поглядел на почти заполненную страницу кляссера «язычник» Джек, отрывая ото лба подруги очередную марку. – Корейская тоже очень красивая. Можно сказать, жемчужина моей коллекции. – И, перелистнув кляссер, он продемонстрировал страницу, которую целиком отвел для одной-единственной крупной синей марки.

– Не пойму, отчего марка мыса Доброй Надежды напечатана в форме пирамиды³²? – озадачилась Джилл. – Пирамиды же в Египте. А вот Сандвичевы острова³³ выглядят здо-

---

ках была сделана единственная надпись «Postes» («Почта») и указан номинал в сантиметрах. Известно несколько разновидностей этих марок. Данный выпуск был в почтовом обращении до 31 декабря 1871 г.

³² *Марки мыса Доброй Надежды* (мыса на Капском полуострове южнее Кейптауна) – так называемые «капские треугольники» или «треуголки мыса Доброй Надежды» – первые почтовые марки на Африканском континенте и первые в мире треугольные марки; выпускались в 1853–1864 гг.

³³ *Сандвичевы острова* (Гавайские острова) – группа островов, лежащих в северной части Тихого океана.

рово с черными головами королей и королев, – продолжила она, потому что это вполне соответствовало ее миссионерскому настроению.

– На марке Турции изображен полумесяц со звездой³⁴. На марке Австралии – лебеди³⁵. А на Испанской – две женщины за решеткой³⁶, – разглядывал другие марки Джек. – Фрэнк говорит: решетка – это из-за того, что испанцы так обращаются со своими женщинами, но, по-моему, он просто шутит. Мне, в общем-то, больше всего по душе честные добрые Соединенные Штаты. Здесь все ясно и без выкрутасов. На зеленых – портрет Вашингтона, на синих, за один цент, – старины Франклина³⁷, и я их предпочитаю всем этим надутым королям с королевами. – Демократичный Джек презрительно хлопнул ладонью по марке с очередной венценосной особой.

---

³⁴ *Полумесяц со звездой* – символы ислама, используемые на флаге и гербе Турции.

³⁵ В период с 1854 по 1902 г. Западная Австралия выпускала марки с изображением эмблемы колонии – черного лебедя.

³⁶ Речь идет об изображенной на марке картине «Женщины за решеткой» Бартоломе Эстебана Мурильо (1617/18–1682), знаменитого испанского живописца золотого века, главы сеvilьской школы.

³⁷ *Франклин Бенджамин* (1706–1790) – американский политический деятель, дипломат, изобретатель, писатель, журналист, издатель, один из лидеров Войны за независимость. Он единственный из отцов-основателей скрепил своей подписью все три важнейших исторических документа, лежащих в основе образования Соединенных Штатов Америки как независимого государства: Декларацию независимости США, Конституцию США и Версальский мирный договор 1783 г. (Второй Парижский мирный договор), формально завершивший Войну за независимость тринадцати британских колоний в Северной Америке.

– А почему на австрийской марке Меркурий³⁸? У них что, военные носят такие шлемы? – спросила Джилл и, зажав в зубах кисточку, принялась нарезать новую порцию хлястиков.

– Шлемы с шишаками, как у древних римлян, носят не австрийцы, а пруссаки, – откликнулся Джек. – Они отлично воюют и всегда побеждают. Зато у австрийцев форма красивее. А Меркурий, наверное, потому, что он считается богом почты. Вот теперь его и помещают на марки.

– Кстати, о древних римлянах, – слышался из другой части комнаты голос Фрэнка, который все это время что-то писал за большим столом. – Кто-то вроде бы уже несколько дней собирается латынь повторять. Я как раз только что справился с сочинением, и у меня есть еще немного времени до того, как мы с Гасом пойдем гулять. Так что я могу позаниматься с тобой. Давай-ка, лентяй. Возьми себя в руки.

– Да я, в общем, не хочу до следующей недели учиться, – поморщился младший брат при одной мысли о нелюбимом предмете. – Можешь сам корпеть над своими древними греками и римлянами, а от меня отстань пока.

Фрэнк помрачнел. Цезарь и Ксенофонт³⁹ ему нравились, и

---

³⁸ Профиль Меркурия, древнеримского бога-вестника, был изображен на газетных марках, которые представляли собой почтовые марки, выпускавшиеся для почтовой пересылки газет в 1851–1858 гг. Марки печатались без номинала, поскольку на стоимость указывал их цвет.

³⁹ *Ксенофонт* (не позже 444 – не ранее 356 до н. э.) – древнегреческий писатель, историк, афинский полководец и политический деятель, главное сочинение

он не собирался попускать такому пренебрежительному отношению к ним. Действия его были быстры и четки. Не успели наши больные даже ойкнуть, как он ловко завладел всеми марками, клеем и кисточкой, лежавшими на прикроватном столике Джилл, со словами:

– Придется вам, молодой человек, прекратить свое увлекательное занятие, пока не уделите времени уроку. Ты сам просил меня позаниматься с тобой. Вот и изволь. Берись-ка за книгу.

Тон Фрэнка не допускал возражений, а Джек диктатуры не выносил. Самое же сильное бешенство у него вызывали приказы в тех случаях, когда ему самому было ясно, что им следует подчиниться. Гнев вынуждал его либо выбежать в сад, либо хотя бы как следует покружить по комнате. Лишь после этого он успокаивался и наконец принимал как должное то, что от него требовали. Но за время болезни Джек распустился. Лишенный привычных способов дать выход раздражению, он привык выплескивать его, кидаясь вещами. Вот и сейчас ему захотелось было швырнуть ненавистный том Цезаря в ярко горящий огонь очага. С трудом удержавшись от этого, он довольно спокойно, хоть и ворчливо, ответил брату:

– Да, я, конечно, просил тебя, но пока не готов, так что не надо на меня наседать. Урок у меня не выучен, но мучиться я

которого – «Анабасис Кира» – высоко ценилось античными риториками и оказало огромное влияние на латинскую прозу.

из-за этого не собираюсь. Так что займись спокойно своими делами, а мне верни мои вещи.

– Верну, – кивнул Фрэнк. – По одной марке за каждый выученный урок. Ни на каких других условиях ты обратно их не получишь.

С этими словами он запихнул сокровища брата в карман, подхватил с пола резиновые сапоги и, размахивая ими, словно дубинками, которыми с удовольствием отходил бы кое-кого за лень, направился к двери.

Тут-то терпение Джека и лопнуло.

– Да подавись ты этими марками, а заодно и своим проклятым Цезарем! – проорал он и, схватив ненавистную книгу, с силой швырнул ее вслед уходящему Фрэнку.

Тот спокойно себе удалился, не понеся никакого урона, пущенный же Джеком снаряд врезался в стену, а затем упал на пол.

– Это же твой кляссер, Джек! Что ты делаешь?! – первой заметила его ошибку Джилл.

И действительно, ослепленный гневом, он бросил не латинскую книжку, а свой обожаемый кляссер, который валялся теперь на полу. Кожаная обложка от удара оторвалась, а несколько страниц из прекрасной плотной и гладкой бумаги помялись.

– Мне показалось, что я кидаю книгу. Фрэнк вечно меня провоцирует. Только ведь я все равно совершенно не соби-
рался в него попадать, – севшим от стыда голосом пробормо-

мотал Джек.

Миссис Мино молча подняла кляссер, положила его на столик возле кровати сына и вернулась к прерванному письму. Джек с Фрэнком очень пугались, когда она становилась такой.

Гнетущая тишина, повисшая в Птичьей комнате, и словно окаменевшее лицо мамы заставили Джека пожалеть о своем поступке куда сильнее, чем если бы она отругала его. На лице у него еще оставалось несколько марок. Совершенно не зная, как вести себя дальше, он принялся их отлеплять и демонстративно морщиться, словно процесс этот причинял ему невыносимую боль.

Джилл следила за ним со смешанным чувством сострадания и удовольствия. С одной стороны, девочке хотелось подбодрить и успокоить Джека, а с другой, глядя на его столь дикие приступы ярости, она радовалась, что как миссионеру ей предстояло еще очень много работы над своим подопечным «язычником».

Тишина уже становилась невыносимой для Джека, когда в комнате появился Гас. По случаю непогоды на нем был надет резиновый плащ, из объемных карманов которого он извлек книгу от Лоры для Джека и письмо от Лотти – для Джилл.

– Слушай, Гас, отвези меня в мою комнату, – тут же воспользовался удобной возможностью Джек, складывая на груди руки с покорностью полководца, капитулировавшего перед противником и теперь ожидавшего в свой адрес обид-

ных, но справедливых слов.

Гас, ничем не выдав, что догадывается о ссоре, произошедшей незадолго до его появления, повез Джека прочь.

– Понимаешь, мне сегодня так скучно, что совсем ничего не хочется. Только спать, – объяснил другу Джек, с его помощью принимая у себя в комнате лежачее положение.

А тем временем в Птичьей комнате Джилл говорила миссис Мино:

– Я слышала историю о том, как один мальчик разозлился на брата, швырнул в него вилкой и она выколола ему глаз. Он, конечно, не хотел ничего такого. Брат это понял и простил его. С той поры этот мальчик больше ни разу ни в кого ничем не кинул, – заключила девочка с печальным видом, явно желая показать, что хотя она и сочувствует виноватому в происшедшем Джеку, но при этом вполне понимает всю опасность проявленных им гнева и вспыльчивости.

– А сам этот мальчик когда-нибудь смог простить себе свой поступок? – поинтересовалась миссис Мино.

– Нет, мэм. Полагаю, что нет, – ответила Джилл, пытаясь представить себя на месте вспыльчивого метателя вилок. – Но ведь Джек даже не попал во Фрэнка. И не хотел попадать. Но все равно я уверена, что он очень жалеет о случившемся.

– Но ведь мог попасть, – покачала головой миссис Мино, – и кто знает, чем это грозило бы тогда Фрэнку. Прежде чем что-то сделать, надо непременно задуматься о возможных последствиях. Запомни это, моя дорогая.

– Постараюсь, мэм, – откликнулась девочка, вдруг осознав, как важно все сказанное для миссионеров, приехавших вещать Слово Божье туземцам, которые забрасывают друг друга томагавками и бумерангами и восстают против своих правителей.

Миссис Мино дописала очередное письмо, затем взялась было за следующее, однако, о чем-то задумавшись, оставила его на столе неоконченным и тоном, в котором угадывалась борьба чувства долга и справедливости с материнской любовью, произнесла:

– Пойду-ка проверю, хорошо ли Джек там укрыт, а то вдруг простудится. Скоро вернусь. Постарайся не двигаться, пока меня нет.

– Хорошо, мэм, – пообещала Джилл.

Зайдя в комнату сына, заботливая родительница увидела, что тот и не думает спать, а всю штудиирует речи Цезаря, к которым в данный момент испытывал интерес явно куда больший, чем до того, как позволил себе разозлиться на Фрэнка. Недаром же этих двух братьев прозвали громом и молнией. Фрэнк редко сердился, но уж если с ним это случалось, то долго ворчал и хмурился, очень медленно сменяя гнев на милость. Раздражение Джека, наоборот, вспыхивало как порох, чтобы мгновение спустя без следа исчезнуть.

Очень довольная, что Джек принялся наконец за дело, миссис Мино тем не менее сочла своим долгом прочесть ему небольшую нотацию, которую щедро проиллюстриро-

вала впечатляющими историями о пагубных последствиях вспыльчивости, смягчая ужас наиболее травмирующих коллизий точками, запятыми и многоточиями нежных поцелуев.

Оставшись в одиночестве, Джилл принялась размышлять о достоинствах сдержанности и недостатках вспыльчивости, конечно же относя свой характер к хорошим и ровным, а характер своего лучшего друга Джека – к разряду взрывных и взбалмошных. Путем весьма длинного ряда сравнений своих и его поступков постепенно девочка вознесла себя на пик совершенства, но почти сразу же стремительно покатилась вниз.

От нечего делать обводя взглядом комнату, она увидела на полу наполовину исписанный листок бумаги. Сначала Джилл посмотрела на него просто как на любой другой предмет, который оказался не на своем месте. Затем она вспомнила, что за большим столом сегодня сидела не только миссис Мино, но и Фрэнк. «Может, это как раз кусок из его сочинения? – заинтересовалась она. – Или...» От новой догадки у нее перехватило дыхание. Ведь это могла быть записка от Аннет. Фрэнк и Аннет всегда переписывались, если из-за плохой погоды или болезни не могли встретиться в школе. «Сегодня как раз плохая погода, – продолжала размышлять Джилл. – Вероятно, Фрэнк получил записку от Аннет, прочел ее и забыл на столе. Ну да, – еще пристальнее стала всматриваться в текст на листке Джилл. – Это точно не сочи-

нение: их не начинают с двух слов, за которыми следует пропуск строки, а потом уже длинные фразы, растянувшиеся на всю ширину страницы и бегущие одна за другой. Наверняка это письмо, хорошо бы в таком случае его припрятать, пока Фрэнк не вернет Джеку марки. Пускай помучается. Сейчас я его достану, а позже мы с Джеком придумаем месть для этого злюки».

И, забыв о данном миссис Мино обещании не двигаться до ее прихода, а заодно и о том, что читать чужие письма нехорошо, Джилл схватила крюк с длинной ручкой, которым они с Джеком пользовались, когда надо было достать какой-нибудь предмет, находившийся за пределами их вытянутых рук. Орудие было тяжеловатым. Джек научился орудовать им уже достаточно ловко, а у Джилл получалось пока не очень, поэтому из опаски порвать листок действовала она с большой осторожностью. На сей раз крюк хорошо подчинялся ей. Но, слишком сосредоточившись на своей задаче, девочка не заметила, как переместилась на самый край дивана. Еще одно резкое движение – и Джилл со стуком упала на пол.

Тело пронзила боль. «Спина!» – пронеслось у нее в голове, и тут же к физическому страданию добавился леденящий страх: вот сейчас в комнату кто-то войдет и застанет ее за двойным проступком. На какое-то время она замерла. Боль вроде бы начала отступать. Джилл огляделась. Удастся ли ей снова лечь на диван? Задача показалась ей вполне выполни-

мой. Она уже чувствовала себя куда лучше прежнего и даже могла самостоятельно приподняться в кровати, когда доктор ей это разрешал. Да и диван был достаточно близко. Она лежала как раз между ним и столь заинтересовавшим ее листком, который тут же поторопилась схватить.

«Ну, Фрэнк, теперь ты получишь!» – ощутила себя победительницей Джилл, несмотря на то что сама очутилась в весьма сомнительной ситуации. Восторг ее, впрочем, был мимолетен. Первый же взгляд на строки письма принес Джилл разочарование; когда же она вчиталась в текст, юное ее сердце сжалось от боли и ужаса. К Фрэнку листок вообще не имел отношения. Речь в нем шла о ней, а написаны были так ранящие ее слова рукой миссис Мино, которая обращалась к своей сестре:

Дорогая Лиззи!

Дела Джека вполне хороши, вскоре ему снимут гипс, и он начнет ходить. Куда большие тревоги приходится нам испытывать по поводу состояния девочки. Бедняжка, боюсь, навсегда покалечила спину. Она у нас. Мы делаем для нее все возможное, однако при каждом взгляде на нее мне на память, увы, приходит Люсинда Сноу, которая, как тебе и самой известно, двадцать лет не вставала с постели, после того как расшиблась в пятнадцать. Бедная Дженни, к счастью, пока не знает, и я надеюсь...

На этом текст прерывался, но и прочитанного оказалось достаточно для Джилл. Она-то рассчитывала, что скоро пол-

ностью выздоровеет. Мучавшие ее боли вроде бы начали мало-помалу стихать. К тому же все вокруг говорили, что постепенно у нее все придет в норму. И вот теперь ей открылась ужасная правда.

— «Навсегда...», «двадцать лет не вставала...». Двадцать лет в кровати! Нет, я этого не вынесу. Не вынесу... — прошептала она в отчаянии. — Вот, значит, почему мама так тяжело вздыхает, когда помогает мне одеваться, и почему все так со мной ласковы и добры.

Джилл больше совершенно не волновало, что кто-то может войти и застать ее на полу с чужим письмом в руках. Какая разница, если для нее все так плохо. Но в душах юных даже сквозь мрак отчаяния способен пробиться лучик надежды. «...И я надеюсь...» — вспомнила Джилл последние слова обнаруженного письма, отчего мысли ее потекли по другому руслу: «Миссис Мино, наверное, имела в виду, что пока еще нельзя ни в чем быть уверенным и что надежда все-таки есть. Вот ведь за Джека она тоже сперва боялась, а теперь он уже выздоравливает. Хорошо бы разузнать о своем состоянии у доктора, но тогда он догадается о письме. Ах, лучше бы я спокойно лежала и вообще его не касалась!»

Нахлынувшее раскаяние придало девочке сил. Отшвырнув от себя листок подальше, она уцепилась за край дивана, подтянулась, постанывая от боли, с трудом забралась на него и, когда наконец вытянулась на его поверхности, ей показалось, будто с момента ее падения на пол прошло много-мно-

го лет.

«Я обещала миссис Мино не двигаться, но соврала и была наказана. Спина теперь снова болит, а чужое письмо, которое я не имела права читать, жутко меня расстроило. Хороший же я миссионер. Правильно мама говорит: прежде чем исправлять других, исправься сама. Как стыдно! – Джилл вновь застонала, но не от боли в спине, а от угрызений совести. – Теперь у меня есть секрет, которым я ни с кем не могу поделиться. Даже с девочками».

И как малые дети прячутся от стыда с головой под одеяло, так Джилл, отвернувшись к стене, уткнулась в учебник и принялась усиленно осваивать премудрости правописания.

Возвратившись, Миссис Мино застала поистине идеальную картину. Прилежная девочка учится, позабыв обо всем, что ее окружает. Поза ее неподвижна, и только губы немного шевелятся, словно она беззвучно проговаривает какие-то правила. И все же что-то в ее позе и чуть заметном нервном подрагивании ноги выдавало странное напряжение ребенка.

– Ну, с Джеком все в порядке. С тобой, дорогая, как вижу, тоже, – бодрым голосом произнесла миссис Мино, отчего сердце у Джилл подпрыгнуло. – Можно подумать, между вами по-прежнему протянут телеграф и вы сговариваетесь, что делать. Вон как дружно взялись за занятия.

– Да я просто не нашла рядом никакой другой книги, вот и пришлось немножко позаниматься, – ответила ей Джилл, которой было совестно получать похвалу за мнимое трудо-

любие.

Украдкой выглянув из-за учебника, она заметила, как миссис Мино перекладывает на большом столе бумаги. «Ищет письмо», – замерла девочка. И так как от страха она даже дышать перестала, до нее явственно донесся шорох подобранного с ковра листка. К счастью, Джилл не видела взгляда, брошенного хозяйкой дома в этот миг на ее щеку. Одна из испанских марок так и осталась приклеенной у девочки на лице, в то время как другая такая же прилипла к оборотной стороне неоконченного письма. Сопоставить два эти явления не составляло особенного труда. Марку, которая сейчас была на письме, миссис Мино перед уходом из Птичьей комнаты видела на полу и даже собиралась было поднять ее, чтобы отнести Джеку, но в последний момент сочла за лучшее не вмешиваться в воспитательный метод Фрэнка. «Допустим даже, что письмо, упав со стола, само каким-то образом соединилось с маркой, – продолжала размышлять миссис Мино. – Но откуда тогда на нем взялся зеленый отпечаток пальца? Именно такого цвета шерстяную пряжу Джилл сегодня утром сматывала в клубок».

Словом, все признаки указывали на то, чему миссис Мино совсем не хотелось верить. А необычное поведение девочки окончательно убедило ее в своих подозрениях. Добрая леди заколебалась. Быть может, лучше всего сделать вид, будто она ничего не заметила? Очевидно, бедная девочка и без того страшно расстроена тем, что выяснила из письма. А кро-

ме того, она явно мучается от раскаяния.

«Подожду, пожалуй, пока девочка сама мне все расскажет, – решила в конце концов рассудительная хозяйка дома. – Джилл очень честная. Не сомневаюсь, что она не сможет долго таить это в себе».

И миссис Мино вновь принялась за письмо к сестре, а Джилл продолжила свои занятия. Прошло немало времени, прежде чем девочка наконец закрыла учебник и миссис Мино предложила:

– Милая, хочешь я проверю у тебя урок? Джек вот сказал, что хочет, после того как справится со своим Цезарем.

– Не знаю, получится ли у меня, но попытаюсь.

Она весьма успешно повторила прочитанный параграф вслух, пока не дошла до наречия «навсегда», и тут же осеклась, отчетливо вспомнив тот страшный смысл, который открылся ей за этим ужасным словом в письме миссис Мино.

– Знаешь, что оно обозначает? – поинтересовалась та.

– Н-ну, д-да, – начала запинаться девочка. – Навсегда – это очень надолго. Вернее, навечно. – Горло у нее сжалось. Лицо покраснело. Глаза заблестели от слез.

– Что с тобой, дорогая? – склонилась над ней миссис Мино. – Знаешь, давай-ка пока оставим урок. Расскажи мне, что тебя так мучает, и я постараюсь помочь.

Участливый тон, сочувственный взгляд и мягкая прохладная ладонь, коснувшаяся разгоряченной щеки Джилл, заставили девочку громко всхлипнуть, а затем со слезами пове-

дать хозяйке дома всю правду.

— Ах, моя милая, — принялась ее успокаивать миссис Мино, — я давно уже все поняла. И ни секунды не сомневалась, что ты сама мне во всем честно признаешься. Иначе ты не была бы той девочкой, которую я так люблю и которой готова во всем помогать.

Затем она показала ей письмо, и прилипшую к нему марку, и зеленый отпечаток пальца, пытаясь, насколько возможно, уменьшить страдания Джилл.

— Вредная марка! — и вправду немного развеселилась та. — Прилипла и выдала меня, словно я сама не могу обо всем рассказать, даже если мне и нечем похвастаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.